

Александр Зорич
Сезон оружия

«Автор»

1996-97

Зорич А.

Сезон оружия / А. Зорич — «Автор», 1996-97

Августин Депп. Лейтенант сетевой полиции, в чьи обязанности входит борьба с преступностью в ВР – Виртуальной Реальности, для большинства обитателей Земли давно уже более привычной, чем обычный «реал». Он охотится за знаменитым сетевым преступником по кличке Локи в «базовом слое» ВР – Митгарде. Он оказывается в таинственном «сбойном слое» ВР – Утгарде – и находит там странную, неизвестную даже в сетевых легендах Зону Стабильности – Авалон... Он – один из немногих, кто готов противостоять компании, которая готовит к выпуску таинственный чип, открывающий доступ в Асгард – неисследованный верхний слой ВР.

© Зорич А., 1996-97

© Автор, 1996-97

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	22
Глава 3	39
Глава 4	52
Глава 5	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Александр Зорич

Сезон оружия

Пролог

Секундантов не было. Двое людей шли по осеннему лесу, и опавшая листва отзывалась настороженным шорохом. Один был безоружен, зато две кобуры, симметрично подвешенные под мышками у второго, полнились смертельной тяжестью.

Вальдис остановился посреди широкой просеки. Профессиональным движением он извлек два совершенно одинаковых «Магнума-40».

«Выбирай Магнум-40! Пистолет две тысячи сорокового года и оружие века! Магнум-40!» – мелькнула в голове надпись с рекламного плаката над прилавком оружейного магазина «Тульский-Центр».

– Выбирай, – вторя его мыслям, потребовал Вальдис.

Он выбрал левый.

– Напоминаю. Становимся спинами друг к другу. Каждый проходит двадцать пять шагов, причем каждый шаг я громко отсчитываю вслух. Когда я произношу «двадцать пять», мы одновременно поворачиваемся и открываем огонь. В каждую обойму я зарядил по два боевых патрона, можешь проверить. Победитель по этому телефону, – Вальдис достал из-за пояса сотовый и положил его на землю, – вызывает вертолет «скорой помощи». На усмотрение победителя остается и все остальное.

Молодой молча кивнул. «Он меня убьет. Пристрелит, как Дантес Пушкина, и не поморщится даже, сука. И как только Рут могла с таким...» Даже в мыслях применить к Рут механический глагол «трахаться» он не смог. Хотя этот крендель, пожалуй, ее именно трахал.

Они стали спинами друг к другу и пошли.

Первый дуэлянт был очень молод. Восемнадцать. Он мог думать только о ней. Он любил ее так, как любит мужчина свою первую женщину – восхищенно, с мальчишеским благоговением. Он молился на ее стройные ноги, на ее мраморный и вместе с тем такой мягкий живот, на улыбку блаженства, дремлющую в уголках ее изящных губ.

От мимолетного воспоминания об арбалетном изгибе ее ключиц он мог среди дня бросить все, занять у Сереги тридцатку и колесить до ночи по городу, разыскивая свою любовь. А потом, обыскав все вероятные кабаки и квартиры и не найдя ее, надраться до поросычьего визга со случайной компанией, кровавить кулаки о витринные стекла, получать по роже от своих собутыльников и от уличной полиции.

Или не так. Найти ее и провести в головокружительном танце остаток дня, и всю ночь, и следующий день, и так еще долго. Пока она не скажет «Работа юбер аллес».¹ Или то же самое по-французски.

Второй был значительно старше и приходился ей ровесником. Ему было тридцать два. Он мог думать о разном, но только не о ней. Оголяя привычным жестом ее королевский зад, он вспоминал черный зев ультразвукового станнера, который ему ткнули в рожу среди жаркой тайваньской полночи неделю назад. Или ошметки человеческого мозга, которые он все сегоднешнее утро соскребал дублинским ножом со своего пиджака от Роберто Кавалли. Или думал о других своих любовницах, разбросанных по миру от Анкориджа до Кейптауна. Одну из них судьба зашвырнула даже на Лунную Станцию ООН...

¹ Uber alles – превыше всего (нем.). – Примеч. авт.

Вальдис был очень опытен и хладнокровен. Он работал в Русском Отделе Интерпола, но его молодой соперник не знал этого. Он знал лишь, что человек, заставший их в живописной позе посреди волосатого персидского ковра два дня назад, – опытный и хладнокровный убийца.

Так сказала она сама, ломая в пальцах толстую сигарету для феминисток «Vogue Hard». Он знал также, что Рут тому практически безразлична и вызов на дуэль (разумеется, противозаконную) – очередной акт мужского самоутверждения со стороны Вальдиса. Под таким именем он знал своего соперника, хотя уже тогда ему хватило ума догадаться, что в метрике киллера записано нечто совершенно другое.

– Ты мальчишка. Только это мешает мне застрелить тебя на месте, – сказал в тот день Вальдис. – Поэтому я дам тебе шанс. Я вызываю тебя на дуэль.

– По рукам, – тряхнув кудрями, сразу же согласился он, к величайшему изумлению Вальдиса. Разумеется, тот ожидал, что он спасует, замажется, обоссется и Рут потеряет к нему всякий интерес. Но вызов был принят и крови предстояло пролиться.

Теперь, когда багрянцу опавших листьев суждено было вскоре смешаться с багрянцем иной природы, он понимал, насколько был опрометчив два дня назад, но возврата не было.

Когда Вальдис произнес «двадцать четыре» и с его губ уже было готово сорваться роковое «двадцать пять», в голове молодого щелкнул спасительный предохранитель и раздумья закончились.

Легкий и стремительный, ощущая в голове абсолютную пустоту и безмятежное спокойствие, он резко обернулся. Спина Вальдиса в одно мгновение расплылась мутным пятном на фоне аккуратной мушки.

«Двадцать пять» – вот что, пожалуй, хотел сказать Вальдис, но это у него вышло неважно. Его голос перешел в хрип, утонувший в грохоте двух выстрелов. В первый раз молодой попал точно, вторая пуля прошла мимо, сорвав кожу со щеки Вальдиса. Но и одного попадания было достаточно.

Победитель подошел к сотовому, поднял его с земли, нажал вынесенную отдельно от основного блока клавиатуры кнопку «Emergency».

– Вы дозвонились в Единую Службу Спасения, – сказал приятный женский голос. – Если ваш домашний любимец застрял на дереве, наберите цифру «один». Если вас убили до смерти и вы нуждаетесь в неотложной психологической помощи...

Молодой помнил код неотложной медицинской помощи. Не дослушав меню, он дважды нажал цифру «три».

Глава 1

Убийцы и наблюдатели

1

– Приезжает муж из командировки, тихо открывает входную дверь, заходит в квартиру и видит: его жена не одна...

Августин снисходительно улыбнулся. Одно дело – когда бородатые анекдоты травит сосед по лестничной клетке, другое дело – компьютер. С компьютером смеяться не обязательно. Мудрый черный ньюфаундленд по кличке Томас лениво улыбнулся вместе с хозяином.

– Он входит в спальню и говорит...

Августин не торопился сказать «стоп» и прекратить словоизлияния нейронного болтуна. Анекдот-то, быть может, и бородатый, но ведь не исключено, что неизвестный. Августин отхлебнул кофе и откинулся на спинку кресла.

– ...и говорит любовникам: «Вы тут пока кончайте, а я чаек на кухне поставлю». Тот, кто поступает так, и называется настоящим мужем. А кто называется настоящим любовником, Августин?

Августин и Томас переглянулись. Пожалуй, этот анекдот стоит дослушать до конца.

Компьютер, поглощенный выполнением апплета «Вован 5.2», сделал эффектную театральную паузу и заговорщическим шепотком опытного конферансье сообщил:

– А настоящим любовником называется тот, кто после всего этого кончит.

К собственному удивлению, Августин засмеялся. Что ни говори, а «Вован» в лучших своих проявлениях способен поднять настроение даже мертвецу. Особенно хороши были версии старше четвертой, которые умели сочинять анекдоты самостоятельно – на основании старых, вытасканных из легендарной WWW – World Weakly Web, то есть Дохлой Мировой Сети.

Именно к новосочиненному опусу и собирался теперь перейти «Вован»:

– Пошли как-то Мойша, Винни-Пух, Штирлиц, Терминатор и Путин на рыбалку...

– Хватит, – нехотя скомандовал Августин.

Пора было отправляться на дежурство. Действительно пора. А судя по многообещающему запеву, анекдот обещал затянуться минут на десять.

Августин подошел к окну и с высоты своего последнего, восьмидесятого этажа, осмотрел томимую зноем Москву. Но не увидел ничего, кроме лоскута голубого неба и отливающего серебром рекламного цеппелина компании «Виртуальная Инициатива», зависшего как раз напротив его окон. Он-то и заслонял весь обзор.

«В рай с „Виртуальной Инициативой“!» – титаническими буквами было начертано на боку неповоротливого гиганта. Августин поморщился. От рекламной компании «Виртуальной Инициативы» его уже давно и основательно тошнило. ВИН была российским монополистом в области оболванивания честных обывателей, охочих до чудес Виртуальной Реальности. И на оболванивание честных обывателей денег не жалела.

– Ах да, Томас! Чуть не забыл о тебе, патлатый! – Августин потрепал пса за ухом и навалил тому полную миску витаминизированных кроличьих ребрышек.

Хозяин будет отсутствовать долгих шесть часов – шесть часов дежурства в виртуальном мире. У Томаса были все шансы провести это время голодным.

Августин направился к капсуле входа, которая возвышалась в центре комнаты массивным египетским саркофагом, и лег в нее, вытянув руки вдоль туловища. Затылок мягко вошел в углубление нейротранслятора. Полифертиловая крышка капсулы плавно затворилась.

Августин глубоко вздохнул и сказал: «Поехали!»

Не успел Августин закрыть глаза, как зубная боль, мучившая его еще утром, возобновилась с новой силой. Это было тем более прискорбно, что всего три часа назад он покинул кабинет своего дантиста, к слову, весьма недешевого. «Черт, на дворе 2051 год, а ставить человеческие пломбы человечество так и не научилось!»

Спустя три секунды Виртуальная Реальность приняла лейтенанта сетевой полиции Августина Деппа в свои объятия.

2

Когда в окошко его комнаты проникли канареечно-желтые лучи одного из четырех солнц виртуального мира, Августин сказал:

– Здравствуй!

Он встал со своего ложа, потянулся и зевнул. Будто только что пробудился от долгого, скучного сна. Впрочем, жизнь в тесной двухкомнатной квартире, притулившейся под крышей восьмидесятиэтажного жилого дома на Большом Арбате, Августин и впрямь воспринимал как своего рода сон. Настоящей жизнью и полноценной явью ему теперь казалась только Виртуальная Реальность. Кроме как внутри VR, казалось Августину, жизни не было, да и быть не могло.

Зона его включения – город Амстердам – не имел с реальным, земным Амстердамом ничего общего, кроме названия. Причудливые ландшафты, строения и формы жизни, созданные самовоспроизводящимся и самосовершенствующимся гением – глобальной Сетью, – не могли бы существовать нигде, кроме как в виртуальном мире.

Зубная боль отпустила, как будто ее и не было никогда. Августин чувствовал себя великолепно. Дежурство началось, и он внутренне расцветал, предвкушая шесть часов полнокровного бытия – не так уж мало даже для полицейского в аватаре третьего класса Гильгамеш.

Увы, когда шесть положенных часов истекут, он снова вернется назад, в серый мир людей. Но думать о грустном в начале дежурства – плохая примета. И о грустном Августин, конечно, не думал.

В этот раз Августин был йоменом – английским лучником Позднего Средневековья.

Бархатный плащ с капюшоном, застежка из червленого золота на груди, черная с шитьем рубаха. Как и положено йомену, за спиной у Августина висел легендарный longbow – длинный тисовый лук.

Йомен был излюбленным аватаром Августина.

«Только дураки шастают по VR с пистолетами. Дураки безо всякой фантазии и вкуса», – справедливо полагал Августин, и на это у него были причины: по убойной силе его длинный лук с самонаводящимися стрелами (магия первой ступени) не уступал ни гранатомету, ни уж тем более помповому ружью.

Августин почти физиологически наслаждался чужим телом – телом сорокалетнего солдата из войска Генриха Пятого, его шрамами и сединой, его сухими, но крепкими мускулами. К выполнению своих непосредственных обязанностей полицейского он приступит очень скоро. Но сначала он навестит свою подружку Сэми.

– О Сэми, алмазная моя... Я не мог дожидаться, клянусь копьём Святого Георгия! – воскликнул Августин при виде рыжеволосой девушки в бледно-зеленом платье с испанским декольте.

Не только его голос был голосом йомена – резким и хриплым. Но и речь, и сам образ мыслей Августина ощутимо менялись, стоило ему оказаться в теле средневекового англичанина.

– Я рада, что ты не забыл меня, мой нежный, неверный друг, – улыбнулась она, обвивая руками шею йомена.

Августин ощутил волнение во всем теле. Сэми была хороша и ласкова. От нее пахло молоком и полевыми цветами. Августину нравилось заниматься с ней любовью.

Августин понятия не имел, является ли женщиной хозяин аватара рыжеволосой девушки в испанском костюме. Скорее всего, да. Или, возможно, нет?

Какая разница, о Боже, какая разница! Он целовал ее упругие ароматные груди, и жизнь была прекрасна.

3

Белоснежный парусный катамаран резал водную гладь, подернутую частой рябью. В воде на мощных кедровых сваях стоял большой одноэтажный дом с длинной пристанью.

Две жирные чайки дрались за еще более жирного, чем они сами, леща, трепещущего на берегу в предвкушении званого обеда, на котором главным пиршественным блюдом станет он сам.

На высоте семидесяти тысяч метров над точкой драки голодных чаек в это мгновение проходил стратосферный гиперзвуковой лайнер компании «Пасифик-Аэро». С превышением сто сорок тысяч метров над лайнером в пустоте плыл контрольно-разведывательный спутник Организации Объединенных Наций «Аргус-18».

Катамаран причалил к пристани свайного дома. С него сошел молодой человек, одетый вполне по-летнему. На нем была зеленая майка-сетка, узкие дымчатые очки и болотного цвета шорты. Он был бос. Человек сделал два шага, потом остановился. Он театрально хлопнул себя по лбу, словно бы вспомнил что-то необычайно важное, обернулся и, нашарив в кармане мятую трешку, протянул ее хозяину катамарана.

– Возьмите, спасибо.

Хозяин посмотрел на него прозрачным взглядом. Улыбнулся.

– Мне деньги уже давно не нужны. Да и вам они не понадобятся больше.

4

Зона интересов контрольно-разведывательного спутника «Аргус-18» находилась на сорок миль юго-восточнее озера, но восемнадцать фасетных сенсоров сверхвысокого разрешения работали в режиме автоматического поиска целей и сканировали все подряд.

В полосе сканирования «Аргуса-18» в данный момент находились: тысяча двести сорок четыре квадратных мили лесов, двести восемнадцать квадратных миль единообразно возмущенной водной поверхности, закрытый на ремонт участок автостреды Москва—Воронеж протяженностью тринадцать миль и всего лишь пять подвижных целей.

Две из них были идентифицированы как крупные водоплавающие птицы вида *Lariformes ridibundus* (Речная чайка), одна – как крупная водоплавающая рыба вида *Abramis brama* (Лещ) и сразу отсечены.

Две другие являлись характерными представителями вида *Homo Sapiens* мужского пола.

Девять фасетных сенсоров сфокусировались на южном объекте, девять – на северном. Несколько миллисекунд шел выбор оптимального режима сканирования, после чего на видеопланшете Альпийского командного пункта глобальной системы наблюдения «Master's Eye» сформировалось устойчивое голографическое изображение.

Майк, Джонни, Ганс и Джина, дежурные кураторы «Аргуса-18», развалившись в аморфных креслах, старательно повторяющих все тонкости человеческой анатомии, немного оживились.

– Громче, – потребовала Джина, потягивая через соломинку модный коктейль «Искрометная Дурь».

Сенсоры впились в лица русских. Процессоры артикуляционной трансляции молниеносно анализировали мимику и движение губ, подсистемы синхронного перевода доносили их беседу до сведения кураторов.

– Не нужны деньги? Почему? – удивленно спросил южный объект. – Разве ваш курс рекурсионной терапии ничего не стоит?

– Возьмешь отдавая. Когда будешь брать – отдашь, – серьезно ответил северный. Он еще раз улыбнулся и, сойдя с катамарана, принялся старательно привязывать швартовный конец к выведенной над дощатым настилом кедровой свае.

– Это русские! – фыркнул Майк. Жевательная резинка надулась в его пухлых негритянских губах огромным пузырем и лопнула, источая тяжелое, приторное благоухание чайной розы.

– Что это за вонь? – прогрохотал знакомый грозный голос за их спинами. – Какая вонь! Чем вы здесь заняты, кухулиновы псы?!

Все четверо мгновенно вскочили и вытянулись по стойке «смирно». Высокий бокал Джинны перекочевал под кресло. Пахучая жевательная резинка Майка отправилась в его желудок. Джонни молниеносно сорвал и сунул в карман поролоновый шутовской нос, при помощи которого он только что изображал специального агента Интерпола Мак-Интайра.

– Дежурная смена кураторов спутника «Аргус-18» ведет наблюдение на подступах к объекту «Алмазный Куб»! – браво отрапортовал Ганс.

Специальный агент Мак-Интайр некоторое время буравил его своим недобрым взглядом.

– Вольно, – наконец сказал он. – Джина, сладкая моя, плесни-ка и мне на три пальца «Искрометной». Я заслужил, в конце концов...

Мак-Интайр достал из кармана алюминиевый цилиндр, осторожно открутил крышку, вытрусил на ладонь двухдюймовый обрубок сигары.

«Последние два дюйма – самые сладкие», – сообщил когда-то его прадед, член боевой организации ИРА,² парикмахеру Белфастской уголовной тюрьмы за полчаса до побега.

5

Августин не знал, какая реальная личность скрывается за аватаром рыжеволосой Сэми. Таковы были незыблемые законы виртуального мира. Да он и не стремился узнать. Ему было достаточно того, что внутри ВР Сэми – милая, покладистая девушка «без комплексов». И плевать на то, что в «той» жизни хозяйкой столь полюбившегося Августину аватара может быть девяностолетняя старуха. Или девяностолетний старик. Виртуальный мир тем и хорош, что позволяет каждому быть тем, кем он никогда не смог бы стать в реальности.

– Я тебя полчаса жду. Уже думала, ты сегодня не придешь. Ведь всякое может случиться... – Зеленоглазая Сэми на мгновение отстранилась и посмотрела на Августина с тревогой.

– Что, например? – Августин поставил свой лук у входа в комнату.

– Например, убийство до смерти, – промурлыкала Сэми, деловито снимая шелковое покрывало с белоснежного ложа, ожидавшего любовников.

«Это было бы действительно грустно», – мысленно согласился Августин. После того, как тебя убили до смерти, назад дороги нет. Как и в жизни.

– Но ведь я полицейский, – отмахнулся Августин.

Пальцы Августина принялись за шнуровку, которая стягивала стройный стан его подружки самым соблазнительным образом. Он не любил болтовни. Болтать можно и там, в Москве. В виртуальном мире следует действовать...

² ИРА – Ирландская Республиканская Армия. Террористическая организация ирландских католиков. – *Примеч. авт.*

Шестьдесят четыре минуты своего дежурства из трехсот шестидесяти Августин провел у Сэми. Это было немного больше, чем ему позволял устав сетевой полиции, но намного меньше, чем ему хотелось бы.

Выходя из уютного номера гостиницы, декорированной под английский постоялый двор конца XVII века, он нежно чмокнул Сэми в ложбинку между грудей, теснящихся под изумрудным шелком лифа.

В такие моменты Августин всегда немного раскаивался в том, что стал сетевым полицейским.

В то время как рядовые пользователи имеют право наслаждаться любовью в ВР сколько им заблагорассудится, он должен заниматься поддержанием сетевого законодательства... Да плевать на него! Анархия – мать порядка!

На мгновение в голову Августина закралась еще одна крамольная мысль: быть может, стоит всеми правдами и неправдами получить доступ к серверному комплексу ООН, к уникальной базе данных пользователей виртуального мира. Войти туда, используя «форсаж» и свою офицерскую экссесс-карту. Узнать, кто же такая эта Сэми в действительности. И если она так же хороша собой, как хорош в постели ее аватар, быть может стоит обдумать варианты совместного... совместного... Стоп! Августин вспомнил о Ксюше и устыдился собственных мыслей.

– Хозя-а-а-айка! – проорал за спиной Августина противный пьяноватый голос. Августин остановился.

– Э-эй, шлюхина дочь! – второй, еще более мерзкий.

Августин обернулся. У окна постоялого двора Сэми топтались трое придурков в форме американской морской пехоты прошлого века. Августин сразу же послал запрос и получил всю необходимую информацию. Трое Агасферов, в новый класс переведены позавчера. Солдаты Второй Штурмовой дивизии Герцогства. Последняя зона включения – Свитязь.

Августин присвистнул. От Амстердама до Свитязя двести миль все-таки. Видно, какой-то Джирджис решил подработать авиалайнером и в летательном морфе подбросил забулдыг до Амстердама.

Прямо как в анекдоте. «Осторожно, двери закрываются! Следующая станция – Амстердам».

Пока Августин вспоминал, в чем соль анекдота, третий морпех, до этого времени молчавший, сдернул с плеча автоматическую винтовку и принялся колотить прикладом в ставни. Сэми не появлялась и правильно делала. Августин лениво вытащил из колчана стрелу.

– Эй вы там, повежливее! – крикнул он, плавно натягивая лук и подходя поближе мягкими кошачьими шагами.

Тот, который колотил винтовкой в ставни, резко обернулся, одновременно передергивая затвор.

Так-так... Яркие выраженные агрессивные действия, угрожающие стабильному функционированию полицейского при исполнении служебных обязанностей. Ситуация двести восьмая, однако.

Августин молниеносно припал на колено. Щелкнула тетива. Солдат захлебнулся кровью и упал навзничь.

Двое его напарников, ошеломленные, замерли, так и не взведя затворы своих винтовок. Они быстро трезвели. Из окна высунулась Сэми с внушительным дробовиком «Ремингтон» в руках.

– Лечь на землю, руки за голову! – приказал Августин.

Один послушно выполнил приказание, другой перекинулся в волка и попытался бежать. Заряд картечи из «Ремингтона», и стрела Августина быстро привели его к послушанию.

Августин поднес к губам «наручник» и, потребовав военную комендатуру Амстердама, сказал:

– Лейтенант сетевой полиции Джонни Джармуш. Подберите тут трех своих героев... Нет, ничего страшного... Один целехонек, у двух других отлетело кредитов по сорок... Вайолент-Роад, девятнадцать... Нет, девятнадцать... Д-е-в-я-т-н-а-д-ц-а-т-ь... Двадцать минус один, козел!!!

6

Девять сенсоров «Аргуса-18» автоматически сопроводили Владимира до двери под вывеской «Центр рекурсионной терапии „Байкал“ и, когда тот переступил порог, переключились в режим высокочастотного проникновения.

По просторной комнате, где не было ничего, кроме нескольких соломенных циновок, расхаживал коренастый человек в европейском костюме кофейного цвета, и это было первым, что удивило Владимира.

В руках человек держал раскрытую книгу в темном кожаном переплете, и это было вторым, что удивило Владимира.

Человек не сразу отреагировал на его появление. Он некоторое время продолжал читать, потом наконец закрыл книгу и бережно положил ее прямо на пол. Потом он посмотрел на Владимира. Его глаза были удивительно глубоки и в то же время совершенно непроницаемы.

– Здравствуйте, – довольно робко сказал Владимир. Подать руку он не решился.

– Мое имя Хотой, – сообщил человек.

У него был исключительно правильный русский выговор, свойственный обычно образованным иностранцам. Хотой был иностранцем. Он родился и провел свое детство в Якутии.

– Очень приятно, – улыбнулся Владимир. – Меня зовут Володя. Владимир Роговцев, – уточнил он, смутившись фамильярностью своего «Володи».

– Владимир Роговцев, – повторил Хотой, словно пробуя его имя на вкус. – А почему не Горацио?

– Простите?

Владимир слышал много разных басен и анекдотов о жизни натуралов. Он знал, что нужно быть готовым буквально ко всему, но загадочный вопрос Хотоя застал его врасплох. Действительно, Горацио было бы лучше, но раз уж назвали...

– Или почему не Клавдий? – ехидно добавил Хотой.

Владимира передернуло. Клавдий... Так его звали еще совсем недавно, каких-то две недели назад...

7

«Если в роду человеческом переведутся убийцы, извращенцы, алкоголики и наркоманы, если мордобой и кровопролитие перестанут приносить удовольствие хотя бы одной тысячной процента взрослых здоровых людей, на Земле наступит рай. Но это будет рай для стада кастрированных животных. Без зла нет добра, без ноля нет десятки, без твоего сознания нет мира. Без мортидо – тяги к разрушению и смерти, невозможно воплощение либидо – стремления к любви и жизни.

Мне не представляло большого труда создать ВР, в которой невозможно насилие. Но в таком случае получилось бы, что я создал всего лишь еще один телеканал для младших школьников! С другой стороны, много

ли радостей знала раньше жизнь семидесятилетнего паралика или даже вполне здорового клерка из «Юнион Банка»?

Уже в первой трети двадцатого века обнаружилось повальное стремление к бегству от повседневности. Боевики и мелодрамы, комиксы, выпивка и наркотики, перманентная сексуальная революция – более манифестируемая, нежели происходящая на самом деле, – несколько позже компьютерные игры и видеопутешествия пытались удовлетворить всеобщую тягу ощущать и переживать нечто необычное. Но это были всего лишь грубые суррогаты. Да, люди бежали от действительности. Куда? В никуда, в ничто.

Но с появлением Виртуальной Реальности появилась вторая, альтернативная действительность, не знающая скуки нашей мирной повседневности. Здесь отныне живет твоя Тень, твое темное начало. Здесь же оно и остается. В тот день, когда неведомыми маньяками будут уничтожены все нейрокомпьютеры, наступит конец света, ибо все Тени выйдут в материальный мир. Человечество захлебнется в собственной злобе. Оно живет, пока живет VR. Читая эти строки, ты скажешь, что я уготовил миру Апокалипсис. Идиот. Я подарил миру вечную жизнь, ибо VR неуничтожима».

Олаф Триггвассон. «Страннее, чем рай»

8

Когорта, в которой служил Клавдий, приняла свой последний бой под ночными пурпурными небесами.

Ночью над Каменными Столбами небеса всегда горят пурпуром от света четырех огромных лун, висящих так низко, что кажется, стоит нацепить реактивный ранец – и в один импульс допрыгнешь до тучного чрева ближайшей, и сможешь вырвать из него кусок раскаленной лунной плоти.

Под славными орлами и красными стягами Социальной Республики Сол его когорты развернула боевые порядки на берегу Тухлого Ручья среди огромных валунов и каменных расщелин. Лучшего места для засады не найдешь до самого Сорок Третьего Шоссе. Это в любом тактическом наставлении русским по пустому начитано.

Вскоре показались солдаты Герцогства. Стадо живописных оборванцев класса Адам и несколько Агасферов вывалили из леса и быстрым шагом пошли вдоль противоположного берега ручья. Они представляли идеальную мишень для любого оружия.

Но Клавдий не спешил.

И лишь когда голова неприятельской колонны поравнялась с правым флангом их когорты, Клавдий отдал свой короткий приказ. Тотчас же Стена Иллюзий, которую держал их легионный Джирджис, рухнула, обгорелые пни и серые камни ожили, молниеносно превращаясь в республиканских солдат, и на разномастную герцогскую ораву обрушились потоки огня, стрел и снарядов автоматических пушек, именуемых в простонародье «швейками».

Бежать было бессмысленно. Враги залегли, но на открытой местности досталось каждому. Никто не остался обделенным республиканской щедростью. В ответ нестройно затрещало мелкокалиберное автоматическое оружие.

Герцогские наемники, которые, как известно любому, лишены твердого идеологического стержня и оттого по уши погрязли в разврате пред ликом своего идола, Желтого Дьявола, не могли выдержать долго под кинжальным огнем целой когорты. Многих из них ждало убийство

до смерти, ужасное развоплощающее УС. Клавдий в боевом азарте припал к ночному прицелу автоматического огнемёта и заливал огнём все, что двигалось или, напротив, стремилось не двигаться.

У солдат герцога подходили к концу боеприпасы – все реже пурпурную тьму прорезали оранжевые вспышки, очереди становились все более скупыми. Правда, легионный Джирджис республиканцев исчерпал свой временной лимит и выбыл по таймеру, но и без него победа казалась неминуемой. Пора было пустить в ход клинки. Клавдий поднес к губам мегафон и проорал: «В рукопашную! Вперед, с-сук-кины дети! Пленных не брать!» Последнее было данью доброй древней традиции. Брать пленных в этом мире было невозможно. По крайней мере, так считалось.

Легионеры поднялись в полный рост. Противник молчал. Легионеры стремительно сбегали вниз по предательским каменистым осыпям и по колено в едкой дряни перешли Тухлый Ручей. Пять—семь кредитов, отвалившихся от каждого, были ерундой по сравнению с теми десятками, которые им выдаст Зу-л-Карнайн после возвращения с операции.

Клавдий, ударив по рычагам реактивного ранца, взлетел над своей когортой, чтобы с высоты птичьего полета сбросить на головы герцогской сволочи касетные суббоеприпасы из боевой подвески.

Но в современной войне ситуация на поле боя может измениться в считанные доли секунды.

Зенитная ракета типа «Горгулия», выпорхнувшая из-за леса, показалась пчелиным укусом по сравнению с тем, что ждало Клавдия впереди. Он падал вниз с горящим ранцем за спиной, видя, как вместе с кусками его жженой виртуальной плоти разлетаются по сторонам драгоценные кредиты, но долгожданного спасительного удара о землю все не было. Огромный грифон, сотканный из бронзового света, подхватил Клавдия и с быстротой молнии понес за Каменные Столбы.

– Буржуазная сволочь... – успел прохрипеть Клавдий, верный своему долгу до конца, и под ним разверзла свою леденящую пасть Воронка Вара. Центурион Клавдий отправился в свой центурионский ад.

Он не видел – ибо в тот момент, растерзанный сворой смерчей хаоса, уже лежал с расширенными от ужаса зрачками в своей домашней капсуле под красным табло «УС» – как грифон плавно опустился на макушку одного из Каменных Столбов. Бронзовая шерсть грифона потекла сполохами матового огня, и спустя несколько мгновений на его месте появился рослый человек с опознавательным жетоном комтура Герцогства на груди. Обращаясь к пустоте, он сообщил:

– Функционирование входа «Утгард-Желтый» нормальное. Повторяю...

9

Амстердам был невелик и являлся одной из второстепенных зон включения. Оставив Сэми скучать в ожидании патруля военной комендатуры, бравый йомен Августин направился в местность, которая носила неофициальное название Мост Через Ничто, а официально именовалась кластером 3.Ам. Ру.

Именно там, по данным разведцентра сетевой полиции, должен был в очередной раз появиться криминальный субъект в аватаре Локи. Дважды коп-киллер. Нелегальный пользователь. Безбилетный заяц в виртуальном мире. Нарушитель трех четвертей всех сетевых законов. Владелец шикарных аватаров класса Джирджис, базовым морфом которых неизменно выступал скандинавский бог зла, хитрости и коварства. Предмет особого интереса сетевой полиции.

Конечно, и Августин, и его начальство понимали, что, даже будучи убитым до смерти, Локи все равно вернется в ВР. Таким, как он, закон не писан. Тот, кто уже однажды изыскал возможности и деньги для нелегального доступа, разыщет их и дважды, и трижды. И все-таки уничтожить мерзавца хотя бы виртуально было для сетевой полиции делом чести.

Локи был подлинным виртуозом виртуального мира. Он имел аватар класса Джирджис, а Августин на ступеньку ниже – Гильгамеш. Это значило, что убить Локи в одиночку у Августина один шанс из ста. Но где-то там, за перелеском, скрывались его коллеги-полицейские. И если Локи все-таки появится, дело найдется для каждого.

Локи, конечно, появился.

Как и всякий Джирджис, он был подвижен, живуч и мог порождать десятки фантомов. Локи владел магией двух ступеней и умело оставлял своих противников с носом. Но на сей раз противников было слишком много.

Два солнца виртуального мира из четырех стали молчаливыми свидетелями того, как ядовито-зеленые шары покинули жерла плазменных базук.

Не дожидаясь Августина, полицейские вступили в бой.

Местность здесь была более чем унылой. Некое подобие лунного пейзажа: равнина, покрытая небольшими кратерами. Там, где заканчивалась равнина, начинался лес, выполненный дизайнерами-оригиналами в густых оранжево-красных тонах. Над лесом высились угрюмые металлоконструкции неопределенного назначения. Две подобные металлоконструкции имели место и там, где последний кратер сменялся плитами пористого камня, напоминавшего песчаник. Эти металлические уроды и назывались Мостом Через Ничто.

Августин терпеть не мог стиль «Антиутопия», в котором был выполнен весь ландшафт кластера 3.Ам. Ру. К его глубокому сожалению, таких ландшафтов в русских зонах ВР встречалось немало. И чем дальше шла война между Герцогством Велес и Социальной Республикой Сол, тем чаще стиль «Антиутопия» оказывался результатом работы магии старших ступеней и реактивной артиллерии, а вовсе не оригиналов-дизайнеров...

Локи издал душераздирающий вой. Это значило, что по крайней мере один заряд плазмы попал в цель.

Локи закружился на месте, стремясь реализовать потенциальную возможность стать временно неуязвимым, которую давала ему магия второй ступени. Но его кружение было прервано черным диском, выпущенным кем-то, затаившимся в кратере подле Моста Через Ничто – вовсе не там, где располагались полицейские с базаками.

Диск на огромной скорости врезался в кокон, который создавал вокруг себя вращающийся Локи, вспорол его, словно нож подушку, и обратил прахом все старания Локи.

Значит, противников у Локи больше, чем ожидал Августин. И один из них – в аватаре класса Джирджис, ибо только они имеют на вооружении «волчок Кудруны». Теперь преимущество принадлежало сетевой полиции.

Но Локи и не думал сдаваться. Он грянулся оземь и обратился хищной птицей. Не то стервятником, не то грифом – Августин был посредственным орнитологом.

Локи взмыл в небо, и каждый взмах его крыльев был исполнен глубочайшего презрения к стражам правопорядка.

Четыре базуки грянули слаженным залпом из оранжево-красного леса. Мимо. Еще раз мимо. Три залпа мимо цели. Локи явно отводил от себя опасность с помощью охранительных заклятий.

Почему же медлит тот, кто затаился за стальным обломком псевдомоста? Тот, кто метнул «волчок Кудруны»? Почему вслед за грифом-Локи не взмыл в небеса такой же гриф? Или гигантский нетопырь, охочий до крови пернатых хищников?

Однако никто не бросился в погоню. Августин всматривался в ядовито-синее небо. Локи летел в его, Августина, сторону. Теперь пришло его время отличиться.

Класс его аватара – Гильгамеш. Августин не может стать грифом. Он не может летать. В этом смысле ему не по силам тягаться с Локи. Но его тисовый лук с самонаводящимися стрелами не уступит ни базуке, ни гранатомету, ни зенитной ракете. Разве только в дальности. Но как раз расстояние до цели сейчас стремительно сокращалось.

Августин натянул тетиву. Тщательно прицелился. Похоже, Локи все еще не видит его, укрывшегося за вишневым, шероховатым валуном. Наконец Августин выпустил стрелу.

Гриф замер в воздухе на долю секунды – и камнем ринулся вниз. Августину удалось ранить всемогущего Локи. По крайней мере, летать он больше не будет – стрела разящего без промаха йомена разнесла в клочья правое крыло птицы...

Черта с два! Перья, вывороченное мясо и все прочие признаки тяжелого ранения были наваждением, порожденным Зеркалом Иллюзий, которое выставил хитроумный Локи. Это Августин понял, когда Локи превратился в дракона, вооруженного кипящей коричневой слюной и файрболами.

Августин в надежде посмотрел в сторону леса. Но его коллеги-полицейские не спешили. Похоже, они сочли, что будет гораздо лучше, если Августин сам обезвредит коп-киллера Локи. Что ж, значит, поощрительная премия, орден, а может, и присвоение нового класса – его, августиновы.

Августин снова натянул тетиву. Но, к его удивлению, Локи и не думал вступать с ним в единоборство.

Дракон развернулся сквозь самого себя – голова вышла через хвост, который обратился шеей, – и теперь скользил совсем в другую сторону. Локи стремился уйти из окружения, не ввязываясь в драку.

Это было странно – ведь ни один Джирджис не убится Гильгамеша, даже если тот полицейский. Ни один Джирджис, тем паче такой бесшабашный, как Локи, не поленится оставить от беззащитного перед его мощью Гильгамеша горстку пепла и системное сообщение «Убит до смерти в кластере таком-то». Локи, похоже, испугался Августина. Это могло означать только одно: преступник сильно ранен и опасается растерять последние кредиты на ничтожного полицейского.

Но и это было обманом.

Ловкий маневр – и вот он снова обратился мордой к полицейской засаде, истово опустошающей свои магазины в тщетной надежде раздробить броню, которой было покрыто брюхо дракона.

«Что ни говори, аватар дракона не уступит штурмовому танку. Особенно на открытых пространствах», – с завистью подумал Августин. В подтверждение его мыслей Локи изрыгнул первый файрбол – громадный огненный шар, отдаленно напоминавший непомерно раздувшуюся шаровую молнию. Драконам не нужны гранатометы. Им нужен только простор для действий.

Выпущенная Локи шаровая молния, переливаясь всеми оттенками малинового, поползла к оранжево-красному лесу. «Интересно, как будет гореть дерево, чей ствол и ветви и без того имеют цвет пламени?» – размышлял Августин, опасливо выглядывая из-за своего укрытия.

Но парни из сетевой полиции тоже были не лыком шиты. Августину повезло стать свидетелем редкого зрелища – «линии Зигфрида» в действии. Их было семеро – и теперь это стало совершенно очевидно. Среди них не было ни одного Джирджиса (ибо в этом случае для того, чтобы защититься от исторгнутого драконом огненного шара, не потребовалась бы никакая «линия Зигфрида»). Полицейские выбежали из леса и построились на опушке полукругом.

Файрбол был уже совсем близко, когда мобильный патруль сетевой полиции, взявшись за руки, воздвиг перед собой защитный пояс. «Линия Зигфрида» была не чем иным, как плодом совместных усилий семи аватаров класса Гильгамеш, чей жалкий удел – магия первой, а отнюдь не второй (как у Джирджиса) ступени.

Словно прутья, которые легко сломать каждый в отдельности, но нелегко в связке, Гильгамеши черпали силы друг в друге. «Линия Зигфрида» могла противостоять даже файрболам Джирджиса. Огненный шар разбился о непроницаемую стену магических вибраций, которая защитила полицейских от смертоносного удара...

10

– Таким образом, центурион Клавдий был убит до смерти две недели назад, – стараясь, чтобы его голос звучал как можно тверже, закончил свой рассказ Владимир.

Его слышали шестеро: Хотой, Мак-Интайр и кураторы «Аргуса-18».

Мак-Интайр сказал «пф-ф-ф» и выпустил облако сигарного дыма. Обиженный Майк поморщился. «Вот это действительно вонь, не чета жвачке!» – подумал он, но промолчал.

– Еще один жмурик. Пришел к старику Хотую бегать босиком по травке, блять мантры и пить воду задницей, – прокомментировал откровения Владимира Мак-Интайр, по привычке потирая едва заметный бледный шрам на правой щеке.

Два раза в день «Аргус-18» проходил над оздоровительным центром «Байкал» и весь Альпийский командный пункт волей-неволей наблюдал жизнь общины натуралов под предводительством сэнсэя Хотоя.

Все знали, что Хотой одержим тантрическими практиками наполовину с обычной хатхайгой, что он более чем скептически относится к прелестям ВР и что едва ли не каждый день в общину приходят такие же, как Владимир-Клавдий. Неудачники. Убитые до смерти.

Все знали, что Хотой не разлучается с Тургеневым, Боратынским и Шекспиром, и – опять же волей-неволей – знали последнего наизусть целыми кусками. Благо разрешающей способности сенсоров хватало, чтобы через плечо Хотоя почитать «Гамлета», «Генриха Пятого» и «Ричарда Третьего».

Но никто из кураторов «Аргуса-18» и даже всеведущий Мак-Интайр не догадывались о двух забавных мелочах. Во-первых, Хотой был прекрасно осведомлен и о наличии в небесной синеве бдительного соглядатая, и обо всех нюансах его траектории.

И, во-вторых, вследствие «во-первых», жизнь общины натуралов и, главное, самого Хотоя была поделена на две четко разграниченные части. Одна часть предназначалась для всевидящего небесного ока и не могла вызвать претензии ни со стороны Интерпола, ни со стороны российской полиции нравов. А вот вторая...

– Объект «Алмазный куб» входит в фокус, – предупредил компьютер Альпийского командного пункта.

– Переключиться на объект «Алмазный куб»! – немедленно потребовал Мак-Интайр, отставляя опустевший бокал на столик из дымчатого стекла. Ничто не интересовало его в этой жизни больше, чем скрытый защитным маревом Главный Корпус компании «Виртуальная Инициатива» и торпедообразные лимузины, занырывающие под него с отводного путепровода автострады Москва-Воронеж.

Восемнадцать сенсоров оторвались от прежних объектов наблюдения и, автоматически распределив цели, взяли на сопровождение шикарную «Чайку-Люкс» с номерами российского Департамента Безопасности и два огромных фургона «Изюбр», идущие ей навстречу от Главного Корпуса.

Хотой бросил быстрый взгляд на часы.

– Ну вот что, Владимир, – сказал он совершенно изменившимся голосом, в котором не было и тени прежней азиатской ленцы. – Располагайтесь здесь как дома, читайте классику, а я должен отлучиться на пару часов. Пищу и книги здесь можно найти везде. – Хотой неопределенно обвел рукой пространство вокруг себя.

11

Когда стало ясно, что Локи уходит в сопредельный кластер 7.Ам. Ру, полицейские сняли защиту.

«Линия Зигфрида» распалась, и теперь они были беззащитны. Неведомый Джирджис, скрывавшийся за стальной конструкцией псевдомоста, наконец-то сориентировался и метнул наперерез уходящему дракону такой же файрбол, какой только что разбил о заслон «линии Зигфрида». Но зрение Джирджиса гораздо лучше обычного. Третий глаз, как-никак.

Когда файрбол уже был готов коснуться его бронированной спины, дракон, сжавшись словно пружина, подскочил вверх метров на пятнадцать и неповоротливый огненный шар пролетел мимо, так и не повстречавшись с целью.

И тут Августина, который до этого момента безучастно наблюдал за происходящим, обдала волна ужаса. Самого что ни на есть земного. Липкого и омерзительного. Он понял, что файрбол, пущенный Джирджисом, который явно не рассчитывал на такой маневр Локи, теперь медленно приближался к нему, влекомый непреодолимыми законами виртуальной физики. Таким образом, вместе с файрболом к нему приближалась виртуальная смерть.

Августин очнулся от оцепенения, в которое поневоле впал, залюбовавшись, как бурая громада драконьего аватара Локи медленно, словно бы на невидимом парашюте, опускается на землю.

– Что вы творите, ребята? Бей своих, чтоб чужие боялись?! – яростно заорал Августин в микрофон внутренней полицейской связи и побежал. Огненно-красный шар приближался медленно и неумолимо.

Нет, Августин не успел сменить аватар на более подвижный. У него не оставалось времени на метаморфозы. Что ж, если он не успеет покинуть зону поражения файрбола, значит, в ВР больше не будет полицейского Августина Делпа...

Бравый английский йомен, перескакивая через трещины в вишневой земле, давал стрекача как заяц.

Когда, по расчетам Августина, огненный шар должен был врезаться в камень и выплеснуть свою смертоносную мощь, он упал на землю и закрыл голову руками.

Стало жарко. Очень жарко. «Наверное, так жарко бывает только в аду по пятницам», – подумал йомен-Августин, чувствуя, как от гигантских искр идет дырами его короткий йоменский плащ.

Из-за этого досадного происшествия Августин был лишен удовольствия видеть, как Локи, превратившийся из жертвы в палача, из обороняющегося в атакующего, расправляется с блюстителями виртуальных законов.

Линия полицейской связи безмолвствовала – видимо, коллегам Августина нечего было сказать. И все они были поглощены той же, что и Августин, задачей – остаться в живых.

Опустившись на землю, обозленный Локи исторг из своей пасти фонтан коричневой слюны.

Кислота, которая содержалась в ней, была сильна настолько, что прожигала насквозь гранитную плиту. За то недолгое время, что кислотный плевок, скрутившись в свистящее коричневое веретено, мчался к оранжево-красному лесу, полицейские не успели выстроить даже жалкого подобия «линии Зигфрида»...

Локи не промахнулся. Мобильный патруль сетевой полиции был убит на время в полном составе.

12

Патрульно-базовые самолеты Департамента Безопасности типа «Стрибог» не имеют бортовых номеров.

Это единственное исключение в истории российской авиации легко понять, если учитывать, что «Стрибогов» ровно восемь. Четыре базируются в Москве, два в Питере и два в Ставропольском крае. «Стрибоги» – сверхдредноуты авиации. Как и положено сверхдредноутам, все они носят свои личные, уникальные имена.

«Стрибог» огромен. Эскадра американских «Летающих крепостей» времен Второй мировой войны показалась бы рядом с ним стаей колибри, вьющихся вокруг орла.

Восемь сверхмощных винтовых двигателей «Стрибога» потребляют электроэнергию больше, чем атомная подлодка конца прошлого века. Чтобы обеспечивать их питанием, «Стрибог» оснащен двумя компактными термоядерными установками.

Основное назначение «Стрибога» – «Видеть и помогать» – указано под пилотской кабиной рядом с эмблемой Департамента Безопасности.

Один «Стрибог» полностью контролирует воздушную обстановку в радиусе тысячи километров, наземную – в радиусе шестисот. Космос «Стрибог» контролирует на высоте две тысячи километров.

На дежурстве в районе Москвы постоянно находится только один «Стрибог». Этого более чем достаточно.

В 17.30 закончил свое семидесятидвухчасовое дежурство ПБС «Феникс». Когда он сошел с патрульной циркуляции над Внешней Кольцевой Дорогой, в семидесяти километрах от него включились на полную мощность радары сменщика. Этот ПБС носил совсем простое имя «Змей».

13

Августин лежал тихо. Он пролежал дольше, чем требовалось. Когда он снова поднялся на ноги, он не смел поверить в то, что выжил.

Черный дым клубился над тем местом, где совсем недавно находилась полицейская засада. Леса больше не было – только болото, исходящее ядовитыми кислотными испарениями.

Валун, от которого Августин давал деру, был покрыт зеленоватой зловонной копотью. От чахлой растительности, которая еще десять минут назад окружала валун, не осталось ничего, кроме горстки черных, хрустких крупниц. Файрболы на то и придуманы, чтобы после них не оставалось ничего примечательного.

Тем не менее схватка продолжалась. Истощившись от применения самых энергоемких видов оружия, Локи теперь забрасывал невидимого Джирджиса «зеленой пургой». Морось цвета молодой листвы оседала на стальных балках, вызывая серии трескучих разрывов.

Теперь Локи был совсем недалеко от Августина, но, как и прежде, не обращал на него никакого внимания. Ему было недосуг заниматься каким-то одиноким Гильгамешем, и он, продолжая атаковать врага, планомерно продвигался к намеченной цели.

Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что Локи интересовала песчаная равнина, на которой, как знал Августин, располагалась «кроличья нора». Вход в Утгард.

* * *

Августин пускал в спину Локи стрелы. Одна за другой они достигали цели, но причиняли Локи не слишком много вреда.

Тогда Августин попробовал другую тактику. Сменив аватар йомена на аватар латиноамериканского контраста, он стал садить в занятого более опасным противником Локи из противотанкового гранатомета.

В этом, похоже, было больше смысла. По крайней мере, Локи оставил Джирджиса в покое и Августин отер со лба пот. Сейчас им займутся.

Слон и моська. Дубль второй.

Но Локи побрезговал задиристым мачо.

Небрежно помахивая своим гигантским чешуйчатым хвостом, Локи направился к границе кластера 3.Ам. Ру, с чудовищной скоростью пожирая виртуальное пространство. Расстояние между ним и Августином стремительно увеличивалось.

Очень кстати ожила внутренняя полицейская связь. «Лейтенант Джармуш! Полковник Бестужев смертельно поврежден. Немедленно начинайте преследование преступника. Действуйте по обстоятельствам».

Августин был не на шутку удивлен – как если бы его правый солдатский ботинок на высокой шнуровке вдруг обрел дар складывать шестистопные ямбы. Он выпустил в дракона еще один снаряд. От бронированной спины Локи наконец-то отлетел изрядный переливчатый кус. Дракон увеличил скорость.

«Полковник Бестужев смертельно поврежден...» Значит, знатный коп-киллер Локи оказался на попечении одинокого жалкого Гильгамеша. Как всегда – за все отвечают стрелочники...

Увы, не выполнить приказ Августин не мог. И он вяло потащился вслед за Локи.

Августин не был «свободным пользователем», какими являлось подавляющее большинство входящих в ВР и уходящих из нее.

У него были обязанности.

А в обязанности сетевого полицейского входило множество функций, главной из которых было поддержание так называемой «виртуальной справедливости».

Законов внутри ВР было не так уж много. Среди них не было ничего, напоминающего «не убий», «не укради» и «не прелюбодействуй». Законов в ВР было мало, они были совсем простыми и именно поэтому должны были соблюдаться неукоснительно.

Убивать было можно и убивать было нужно, ибо в противном случае ты рисковал лишиться всех прочих прелестей виртуального мира навсегда.

Убивать было нужно, чтобы не убили тебя. Ибо убитый до смерти в соответствии с сетевыми законами не имел права на повторное возвращение в «большой» или «единый» виртуальный мир.

Убитому до смерти оставались только локальные развлекательные или рабочие виртуальные пространства. Жалкий удел!

Теоретически неприкосновенны были лишь полицейские. Убить полицейского и стать коп-киллером означало автоматически навлечь на себя большие неприятности. И тем не менее желающих укокошить пару-тройку блюстителей закона прибывало с каждым днем. Ведь сладость запретного плода в десятки раз превосходит сладость самого забористого оргазма...

Борьба с коп-киллерами, на которой специализировался Августин, была его хлебом (именно за это ему и платил Департамент Безопасности). Она же была его зрелищем.

В ВР было сравнительно мало полицейских – гораздо меньше, чем в реальной жизни. В отличие от Августина, большинство из них занималось средней руки нарушителями сетевых законов. То есть выслеживало и лишало доступа тех, кто отважился на несанкционированный вход в ВР с помощью собственной незарегистрированной установки, «форсажа». (Имея много денег и чуток храбрости, форсаж можно было купить на черном рынке).

Между делом полицейские очищали ВР от «шатунов» – виртуальных оболочек, которые во всем идентичны аватарам реальных людей и чье отличие от последних заключается лишь в том, что за каждым законным аватаром стоит человек, а за шатунами не стоит ничего, кроме программной симуляции.

Целое подразделение коллег Августина занималось исключительно тем, что контролировало точки входа на второй уровень ВР. Он имел множество эпитетов – «подземный», «нижний», «сбойный», но чаще всего помпезно назывался Утгардом. Семь из них сегодня были временно убиты нарушителем Локи.

Глава 2

Рай в преисподней

1

Два восьмиосных «Изюбра» уверенно пылили по шоссе в сторону Москвы. Любой слепец, даун или младенец, пожелай он узнать, а кому же, интересно, принадлежат эти ревущие машинки, удовлетворил бы свое любопытство незамедлительно.

Во-первых, на их бортах сверкали рубиново-красные двухметровые буквы «ВИН». Для младенцев. Эти же буквы повторялись на крыше.

Во-вторых, фургоны несли рекламный слоган компании: «В рай с „Виртуальной Инициативой“!» Надпись повторялась многократно. На всех официальных языках ООН. Для даунов.

В-третьих, мощные динамики, вынесенные над кабинами, во всю пятисотваттную глотку бубнили все тот же слоган. На всех официальных языках ООН. Это, разумеется, для слепцов.

И, наконец, в-четвертых. Голографические проекторы, вынесенные заодно с динамиками, на верхнюю плоскость кабины, транслировали восхитительное шоу с грудастыми девицами и мускулистыми молодчиками, которые маршировали по крыше фургонов прямо в рай с «Виртуальной Инициативой». Это – для всех!

Вот такой веселый балаган приближался со скоростью сто двадцать километров в час к Москве.

– Боже, храни президента! – изошренно выругался Джонни. – Не видно ни зги.

Он только что перевел сенсоры «Аргуса-18» на проникающий режим, но крыши и борта фургонов оказались надежно экранированными. Ну а традиционных окон в кабинах, извините, не было. Вместо них вперялись в шоссе внешние телекамеры, лазерные сонары и высокочастотные радары, со вкусом замаскированные под галогенные фары.

Мак-Интайр ухмыльнулся.

– Правильно, не видно. И именно это позволяет сделать по меньшей мере два вывода. Первый. С вероятностью девяносто девять процентов они везут сейчас первую партию чипов обратной связи. Непосредственно в свои московские супермаркеты. Второй. По оценкам наших экспертов и по некоторым косвенным данным, предельное число чипов обратной связи, выпущенных сейчас экспериментальным цехом ВИН, составляет около восьми тысяч. Учтывая, что даже десять тысяч чипов вместе с упаковкой, рекламными брошюрами и прочей требухой занимают максимум один фургон, легко заключить, что половина полезного объема фургонов занята чем-то другим. Это уже с вероятностью сто процентов. Сержант Ковальская, чем бы вы заполнили оставшийся объем фургонов, если бы вашей приоритетной задачей было обеспечение максимальной безопасности перевозимых грузов?

Джонни с Майком снова переглянулись. Уж они-то вкусы Джины знали отлично. Страшно себе представить, сколько красивых смуглых мужиков с обнаженными кольтами напихала бы туда Джина, дай ей только волю...

Джина, она же сержант Ковальская, прищурилась и закусила нижнюю губу. Ответ последовал только через минуту.

– Даю расклад для одного фургона. Привязной зонд кругового наблюдения. Выдвижная бронированная турель с семиствольной тридцатимиллиметровой артсистемой «Ангара». Два автоматических гранатомета АГС-100 «Ванечка». Зенитный ракетный комплекс «Жало». Система отстрела пассивных инфракрасных помех и радиолокационных ловушек. Голографический имитатор ложных целей. И восемь мортирок для постановки дымовой завесы.

– А ядерная боеголовка мощностью двести килотонн? – ехидно осведомился Мак-Интайр.

– Тогда не поместятся смуглые усатые мужики с обнаженными кольтами. – Джина не улыbnулась.

2

Локи исчез, и Августину стало страшно. Потому что оттуда, где сейчас, презревая все законы Герцогства Велес и Социальной Республики Сол, растворился грациозный аватар Локи, не было возврата.

Это место называлось Утгард. Геенна. Преисподняя. Короче – ад. Доподлинной информации о нем практически не существовало. А та, которая все-таки находилась в распоряжении сетевой полиции, мягко говоря, не обнадеживала.

Младшие аватары никогда не возвращались из Утгарда. Люди, убитые до смерти в Утгарде, не помнили ничего о своей гибели. Многие из них сходили с ума. Некоторые заканчивали земную жизнь самоубийством. Интроскопия мозга не приносила почти никаких результатов.

Старшие аватары из Утгарда иногда возвращались. В Герцогстве ходили страшные легенды о Зу-л-Карнайне Республики, который, еще не будучи Зу-л-Карнайном, в аватаре класса Джирджис спустился в Утгард по собственной воле. Он считался убитым до смерти и больше года не включался в ВР. Потом он вернулся, и вместе с ним пришла огромная свита фантомов – столько может вести за собой лишь аватар класса Зу-л-Карнайн. Он умертвил в закрытом поединке тогдашнего политического комиссара Республики и занял его пост. Видевшие Зу-л-Карнайна говорили, что в его аватаре из Утгарда вышла сама смерть.

«Сама смерть!» Августин презрительно фыркнул, чтобы заглушить страх.

Он переминался в нерешительности у края желтой песчаниковой пустоши.

Он не верил в истерические бредни, которыми полнятся все кабаки от Амстердама до Китежа и страницы желтых компьютерных еженедельничков вроде «Мотай на УС».

Он не верил в потайные семантические каналы, связывающие виртуальный Утгард с Истинной Геенной, о которых талдычат доморощенные проповедники на своих сходках. Он верил только в отменную натренированность своего виртуального тела, в свои стрелы и в успех своей карьеры. Сейчас эта вера окрепла в нем окончательно, и Августин, выматерившись, шагнул вперед. Туда, где несколько минут назад сгинул Локи.

Аватар класса Гильгамеш, морф «Робин Гуд», регистрационный код GIMEL-529-301-772/RUS, был потерян системой сопровождения Марьинского Координационного Центра в 18.02.369 по среднерусскому времени.

3

Неумолимые законы небесной механики волокли «Аргус-18» все дальше на восток. Фургоны ВИН двигались на северо-запад. Через две минуты они должны были выйти из полосы сканирования.

Мак-Интайр бросил крохотный, поперек себя уже, остаток сигары прямо на пол, растоптал его и, потянувшись, зевнул.

Механическая мышь со здоровенной пастью на брюхе выскользнула из неприметной дверки в тумбе видеопланшета, сожрала мусор и столь же стремительно исчезла. Ничего интересного не намечалось. «Ну их к черту», – собрался предложить Мак-Интайр.

– А вот это что-то новенькое, – заметил Майк.

Мак-Интайр, пялившийся в потолок, опустил глаза на видеопланшет. По борту первого фургона гулял крошечный солнечный зайчик величиной с булавочную головку.

– Общий план! – зарычал Мак-Интайр.

Фургоны уменьшились до размеров спичечных коробок, но зато стали видны окрестности шоссе. Впереди по курсу фургонов невдалеке от дороги стояла ветхая силосная башня и заброшенный коровник. Или свинарник.

– Там, – убежденно кивнул Ганс. Для угрюмого фрица это неуставное замечание было верхом красноречия. Впервые за много дней ожидалось что-то интересное.

Но Ганс был не совсем прав. Старая противотанковая ракета с наведением по лазерному лучу «Фагот» была выпущена из кабины инструктора легкого учебно-спортивного самолета «ХАИ-29», находящегося восточнее и не захваченного сенсорами из-за отсутствия прямого приказа. Но подсветка цели лазерным лучом действительно осуществлялась из заброшенного курятника.

Они успели увидеть ракету, неумолимо приближающуюся к головному «Изюбру», и в этот момент изображение безвозвратно поплыло. Сенсоры «Аргуса-18» больше не могли держать фокус.

– Кинушка накрылась, – безразлично бросил Майк. Его совершенно не занимали сцены насилия.

Ганс покосился на ниггера с нескрываемым презрением.

4

«Фагот» был ракетой семидесятилетней давности. В свое время он предназначался для борьбы с танками НАТО, имевшими традиционную многослойную броню, основной изюминкой которой являлся обедненный уран.

Натовские танки «Фагот» брал на Балканах и в Ираке более чем уверенно. Но большегрузный фургон «Изюбр» 2047 года выпуска, перестроенный в мастерских ВИН под специфические вкусы господина Щюро, – это вам не танк двадцатого века. «Это, пожалуй, куда хуже», – подумал Алекс, с замиранием сердца ожидая результатов своего пуска.

Кабина «Изюбра» вспухла огненным шаром. Райское шествие на крыше фургона сразу же прекратилось.

«Взорвались, значит», – пробормотал Алекс с сомнением.

Он переключил бинокль в инфракрасный режим. Абсолютно никакого аномального нагрева, если не считать сравнительно небольшого пятна в месте попадания ракеты. Кабина была целехонькой. Так он и думал – голограмма. Детский лепет. Дешевка. Но какая, черт побери, прочная все-таки эта зараза! Неужели раскошелились на активно-поглощающую броню? Ну тогда поцелуйте свои денежки.

– Вариант «Стройка», – передал Алекс по рации.

5

– Вариант «Стройка», – произнесли губы безликого модельного аватара на борту модельного же одномоторного самолета.

Безделье пилотов патрульно-базовых самолетов типа «Стрибог» вошло в анекдоты, легенды и поговорки. Говорят, что они – самые высокооплачиваемые люди на земле. Пилоты «Стрибогов», дескать, получают «штуку красных» за каждое нажатие кнопки.

Это почти правда. Вот только кнопок они обычно не нажимают. Весь типовой полет «Стрибога» от взлета до посадки полностью автоматизирован.

Перед взлетом первый пилот вставляет свой ключ в гнездо с надписью «взлет» и поворачивает его на двести восемьдесят градусов против часовой стрелки. Трое других пилотов делают то же самое.

Перед тем как сойти с циркуляции патрулирования, первый пилот вставляет ключ в гнездо с надписью «посадка» и поворачивает его на двести восемьдесят градусов по часовой стрелке. Трое других пилотов делают то же самое. Остальное – дело компьютеров. Работа скучная, но денежная.

Зато операторы системы слежения развлекаются на патрульно-базовых самолетах вовсю. На борту каждого «Стрибога» существует своя специализированная виртуальная реальность, имеющая мало общего с мировой.

Информация, которая поступает на «Стрибог» от десятков разнокалиберных радаров, станций радиоперехвата и систем оптического наблюдения, сопоставляется с глобальной базой данных Департамента Безопасности, обрабатывается бортовыми компьютерами и посылается в отфильтрованном виде операторам. Фильтруются, как правило, девяносто девять целых и девяносто девять сотых процента. Оставшаяся одна сотая – самое интересное.

Сейчас самое-самое интересное происходило на шоссе Москва—Воронеж. «Змей» находился в ста километрах от места событий. Это, однако, не помешало его радарам на фазированных антенных решетках отследить пуск ракеты с легкого одномоторного самолета. Спектр выхлопа, скорость и габариты ракеты позволили за две миллисекунды опознать ПТУР «Фагот» 1984 года выпуска.

Змей-7 уселся на хрупкое с виду крыло спортивного самолета и с интересом поглядел на шоссе. Там неслись два восьмиосных параллелепипеда. На них быстро проступали детали подвески, колеса, кабины и надписи «ВИН». Четверо других операторов – Змей-1, Змей-3, Змей-24 и Змей-37 – гуляли по крышам фургонов.

Змей-7 помахал им рукой. В ответ Змей-3 показал большой палец. Дескать, хорошо летишь. «Стройка, стройка... – подумал Змей-7. – Ага, наверное выпустят экскаваторы!»

В этот момент прямо под Змеем-3 из крыши второго фургона показался яйцеобразный выступ. Спустя несколько секунд на борт самолета поступила дополнительная информация, и компьютер смог детализировать изображение.

Змей-3, оказывается, стоял на выдвигной башне пятиствольной автоматической пушки. Пушка вела огонь по самолету, на крыло которого столь опрометчиво присел Змей-7.

Очередь прошла сквозь его аватар.

Если бы Змей-7 сейчас находился не в специализированной, а в мировой виртуальной реальности, то кредиты посыпались бы из него вместе с кусками родного мяса, как из мешка. А здесь Змей-7 лишь слабо махнул рукой, словно отгонял надоедливую муху, и поймал выбранный наудачу снаряд. Ого! Тридцать пять миллиметров. Американская штучка у ВИНовских дяденек, «Рэпид» GAU-5/35.

Баллистический вычислитель пушки принял соответствующие поправки, и следующая очередь оторвала самолету крыло.

Змей-7 проводил взглядом кувыркающуюся машину и полетел вперед. Смотреть на реалистические муляжи трупов, которые наугад сгенерирует компьютер, совершенно не хотелось. Зато очень хотелось не пропустить «стройку».

– Не пора ли вмешаться? – неуверенно спросил он у Змея-3, опускаясь рядом с ним на башню автоматической пушки.

– Не наша забота, – равнодушно пожал плечами тот, присаживаясь на блок стволов «Рэпида». – Вон Змей-один о чем-то уже треплется по «наручнику», пусть снаружи с его слов и решают.

«Снаружи» находилось на расстоянии сорока метров от виртуальной капсулы, в которой лежал Змей-7. Полковник Хованский принял доклад Змея-1, немного постоял, вбирая всем телом тихий успокаивающий гул двигателей.

Потом Хованский резко выдохнул и, усевшись перед вифоном, попросил Главный Корпус ВИН, господина Щюро.

6

«Уже на исходе прошлого века, несмотря на всеобщую эйфорию по поводу темпов и перспектив развития компьютерных технологий, мне стало совершенно очевидно, что возможности развития электронных компьютерных систем практически исчерпаны. То же самое, только в десять раз острее, ощущалось мною по поводу устройств отображения видео- и аудиоинформации: мониторов, громоздких очков, шлемов, наушников и устройств обратной связи – перчаток, всех этих трехмерных джойстиков и микрофонов. Я уже не говорю о том, что такие органы чувств, как вкус, обоняние и осязание, вообще оставались не у дел. К кретинским комбинезонам для „секса через океан“ серьезно могли относиться только отпетые сексуальные маньяки, лишенные, вдобавок, какого бы то ни было вкуса.»

В 2014 году я выбросил новомодную альфа-станцию «Prime» в свинцовые воды Балтики, раскроил молотом все свое тогдашнее нехитрое ВР-оборудование, купил авиационный билет до Катманду и исчез на три года. Там, в Тибете, моя голова очистилась от вредных западных предрассудков и я отыскал правильное решение, изменившее мир.

«Чтобы почувствовать вкус свежего бифштекса с кровью, необходимо откусить кусочек», – скажет невоспитанная домохозяйка, которая не умеет пользоваться ножом и вилок. «Чтобы почувствовать вкус свежего бифштекса с кровью, необходимо, чтобы сигнал чувствования пришел в головной мозг», – скажу я и буду совершенно прав. Когда наш язык соприкасается с жареным мясом, мы, строго говоря, в этот момент еще ничего не знаем о его вкусе. Только спустя несколько микросекунд сигнал добежит до головного мозга, обрабатывается там и сообщает нашему сознанию: «Бифштекс – дерьмо; пережаренный и недосоленный».

Этот пример подходит для иллюстрации того, как мы вообще живем и постигаем то, что называем реальностью. Что бы мы ни делали, к нам ежесекундно сбегается тысячи разнообразных сообщений реальности: «ты давишь весом своего тела на собственные ступни, и ты чувствуешь прикосновения морской гальки», «морской ветер овеивает твое тело», «твой нос вдыхает аромат йода, подгнивших водорослей и далекого костра во-он там, на песчаной косе», «твои глаза видят все это, плюс солнце, плюс морскую синеву, плюс прекрасную обнаженную девушку у далекого костра» и так далее, и тому подобное. Более того, как сейчас достоверно установлено, наш мозг – сложнейшее кибернетическое образование во Вселенной – способен воспринимать и обрабатывать еще массу информации, поступающей от второй, третьей и Бог знает еще каких сигнальных систем, которые пока что удовлетворительно не описаны.

Повторю еще раз: то, что ты называешь таким ультраобъективным словом «реальность», – просто совокупность информационных сигналов, которые получает и обрабатывает твой головной мозг. И даже самый твой невероятный оргазм – в конце концов всего лишь сухая констатация мозга: «оргазм».

Поэтому любому барану ясно, что достаточно лишь правильно подготовить пакет информации и послать его в твой мозг непосредственно, минуя твои привычные рецепторы, чтобы ты почувствовал себя куколкой бабочки в момент метаморфозы, коровой под быком, Наполеоном в день Ватерлоо, прокаженным пророком Аль-Хакимом из Мерва или, если угодно, Господом Богом».

Олаф Триггвассон. «Страннее, чем рай»

7

Вначале не было ничего, и если только сознание Августина в это время можно было назвать существующим, оно воспринимало поглотившую его ткань иллюзорной реальности как абсолютное небытие.

Он полагал себя мертвым.

Не убитым до смерти, но именно мертвым, развоплощенным, Тем, Который Не Есть. Он должен был умереть. Но он не умер.

В сокрушительные смерчи пралогического хаоса вторглась чья-то всемогущая демиургическая воля, и хаос отпустил Августина, предоставив ему новое внечеловеческое бытие.

Спустя вечность он открыл свои круглые алмазные глаза и, подняв тяжелые пластинчатые веки, увидел привычный от рождения пейзаж.

Тысячи черных рек, свитых в переливчатые коридоры. Реки висели в пустом пространстве. Одни из них текли медленно, другие – быстро, одни состояли из огня, другие – из мельчайших частичек, похожих на песок, третьи напомнили бы ему ледники, если бы он знал, что это такое.

Августин больше не имел имени. Мир из двух обитателей не знает имен. В нем есть только Я – огромное сильное рыбообразное существо, сотканное из звенящей яростью плоти – и Моя Тень. Моя Тень сейчас бежит от Меня, и Я должен настичь ее во что бы то ни стало. И когда это произойдет, мы сольемся в Одно и зачнем Нечто.

Я чувствовал след Тени. Она совсем недавно была здесь, и если Мне хватило бы терпения дождаться ее, то рано или поздно она пришла бы сюда вновь, ибо такова природа этого мира. Но Я нетерпелив, Я очень спешу.

Я сильно схлопнул четыре хвостовых плавника – материя Моей реки возмутилась, и несколько огромных шаров искристой жидкости, оторвавшись от ее поверхности, полетели в разные стороны. Спустя мгновение они, повинувшись силе тяготения Моего Мира, закружатся вокруг реки, как планеты кружатся вокруг солнца в Мире, Которого Я Не Знаю. Но Я этого уже не увидел, потому что Мое тело с веселым свистом, который мог слышать только Я своими бугристыми ушами – по одному бугорку под каждой пластиной чешуи – уже неслось вперед в шлейфе возбуждающих ароматов Тени.

У Меня был только один инстинкт – инстинкт Слияния, и у Тени тоже был ровно один инстинкт. Инстинкт Бегства.

Тень почувствовала присутствие преследователя, ибо точно так же, как она, благодаря прямой причинно-следственной связи, оставляла свой след позади себя, Я, из-за наличия в

этом мире связи обратной, оставлял песню своей ярости впереди себя, и она слышала эту песню, и она бежала.

Но Я был быстр, все быстрее змеилось Мое тело сквозь кристально-чистую воду этой реки, и река за Мной разлеталась мириадами капель. Я приближался. И тогда Тень свернула в песчаную реку, выделяя из своих брачных желез липкую жидкость, склеивающую песчинки в единую сверхпрочную субстанцию, которая вставала за ней непроходимой стеной.

Я в остервенении бился костистой мордой, увенчанной тремя корундовыми бивнями, о бесстрастную серую поверхность. Ни одна трещина, ни одна царапина не подмигнули Мне надеждой на успех. Отчаяние затопило Меня свинцовой волной. Мне нечего делать здесь, и нигде больше делать Мне нечего. И ждать Ее здесь Я не имею времени. И тогда вибрации Моего Мира напомнили Мне один из своих нехитрых законов и указали выход.

Я устало опустил пластинчатые веки на горящие дихроматическим, бирюзово-охряным светом глаза – солнце Моего Мира. Во тьме нет Тени. Без Тени нет Меня. Без Меня нет Моего Мира.

8

– Папа-папа-папа-папа, – я всегда обращаюсь к нему так, когда мне очень хочется, – расскажи стишок.

Он подымает на меня свои неприкаянные глаза в окантовке синих кругов.

– Стишок? Стишок слушай...

Его интонация всегда имеет какие-то трудноуловимые странности и всякий раз новые. Он задумчиво смотрит в потолок, потом грызет пластиковую насадку на позолоченной дужке очков, потом говорит:

Тарантул, сделанный из плюша,
Глаз не имеет – только уши
Мохнатые все тело покрывают.

Я отчаянно ору: «Не нада-а-а!!!» – плачу, бегу. Всякий раз он рассказывает один и тот же стишок, всякий раз я взрываюсь ужасом, негодованием, омерзением, мое тело покрывается мурашками, словно по нему ползет этот самый тарантул, который сделан из плюша.

Мой папа днем мучает меня, мучает своими непрерывными штудиями в огромных томах с незнакомыми буквами и страшными стишками о диких существах, которых не бывает и которые живут только в его безумном воображении.

Ночью мой папа мучает маму. Кто это такая – мама – я не знаю. Он называет это так – мама, и я думаю, что это очередной зверь, порожденный его фантазиями. Он никогда не пускает меня в комнату, где живет мама. Но ночью оттуда доносится его довольное уханье и слабые стоны. Не знаю. Нас двое, и больше нет никого – чьи же это стоны? Кого обижает мой папа по ночам? Может быть, он кривляется на два голоса? Но даже если он кривляется, это все равно равноценно – так говорит папа, и я учусь у него целесообразным мыслям и точным словам – равноценно тому, что у нас в доме завелся кто-то третий. Мама. И, раз все сказанное выше верно, полагается оградить маму от папиного насилия.

Вечером я беру большой кухонный нож, которым мы разделяем огромные мясистые арбузы с нашей плантации, и захожу в папин кабинет.

Кабинет пуст. На столе короткая записка. «Я твоя мама, придурок. Локи».

Я не понимаю странных слов записки, но знаю только одно – папы больше нет в этом доме и мне тоже больше нечего делать здесь. Я снимаю с полки «Наставление к безболезненному суициду. Издание восьмое, стереотипное».

Спустя несколько минут я лежу в горячей ванне и нож в моих руках растворяется во всеобщем растворении мира.

9

Главный Корпус компании «Виртуальная Инициатива» поднимался в небо Подмоскovie всего лишь на восемь этажей. Со стороны он выглядел не очень внушительной башней, но лишь посвященные знали, что под землей расположены еще двадцать пять уровней, где помещаются лаборатории, мастерские, сборочные цеха и секретные агрегаты компании. На крыше корпуса, выложенной панелями розового стеклопластика, располагалась вертолетная площадка и красовались три огромных буквы: ВИН – «Виртуальная Инициатива».

Четыре зоны охранного периметра и защитный купол надежно оберегали территорию ВИН от любопытных глаз и непрошенных гостей с земли и с воздуха.

О существовании защитного купола было известно немногим. Уникальный проект его создания никогда не выходил за охранный периметр компании, а его отцы – инженеры и программисты ВИН – со дня успешного тестирования купола не покидали третьего подземного уровня. Чтобы предотвратить утечку коммерческих тайн.

«Можно называть это пожизненным рабством, а можно и контрактом с неопределенным сроком окончания», – любил разглагольствовать по этому поводу Венедикт Щюро, мозг и воля компании ВИН.

Если бы какой-нибудь беспилотный аппарат-разведчик смог преодолеть охранный периметр и бесшумно зависнуть возле ничем не выделяющегося среди остальных окна четвертого этажа Главного Корпуса, то его камерам удалось бы заснять лишь редкой невыразительности картину. Президент компании и начальник охраны играют в нарды, склонившись над раритетной – подлинной, эканской, времен ГУЛАГа – игровой доской.

Если бы на микрофонах аппарата-разведчика был установлен фильтр «антишум» (который позволил бы подслушивать разговоры, заглушаемые установленной у каждого окна системой шумогенерации), то и они донесли бы до своих хозяев абсолютно тривиальную информацию. Типичную болтовню двух игроков в нарды.

Запищал вызов видеотелефона.

– Переключи на сотовый, – приказал президент окружающему пространству и, достав из внутреннего кармана компактную трубку, лениво бросил: – Щюро.

Не меняясь в лице, он выслушал чужой монолог, проворчал «Да оставьте вы их, сами разберутся» и сунул трубку обратно. Игра продолжалась как ни в чем не бывало.

Но с определенного момента изменилось буквально все.

Панель-привратник последовательно озарилась всеми цветами радуги, и на экране появилось взволнованное лицо референта господина Щюро – Александра Малинина.

Весь вид референта свидетельствовал о том, что он только-только вернулся из виртуального мира, не успев еще толком адаптироваться к земным реалиям.

Вот теперь камерам и микрофонам аппарата-лазутчика было бы чем поживиться. Да только не было и не могло быть лазутчиков под окнами Главного Корпуса ВИН.

– Входи, – нехотя сказал Щюро, поднимая голову.

Пьеро – так звали начальника охраны – выпрямился в кресле, ожидая дурных новостей. Ему, так же как и боссу, не нравилось, когда их беспокоят за нардами. И уж если кто-то идет на это, значит, причинами он располагает самыми уважительными.

Малинин вошел, переступив порог со встроенным металлоискателем, который остался совершенно равнодушен к вошедшему.

– Я покинул ВР четыре минуты назад, – начал он. – Два объекта проникли в Зону Стабильности. Они вошли через «кроличью нору» в кластере три-ам-ру. Судя по всему, проник-

новение не является предумышленным. Рядом с ними сейчас находится экспериментальный шатун «Адский Желудок».

Щюро вздохнул, по его высокому лбу поползли морщины. Это всегда нервирует – когда приходится суетиться по таким мелочам.

– Что за объекты? – спросил он.

– Первый – в аватаре класса Джирджис, живучесть в настоящий момент сравнительно низкая, но вообще очень ловкий черт. Второй – лейтенант сетевой полиции. Аватар класса Гильгамеш. Этот тоже не промах. Полицейский преследует первого. Наверное, есть за что.

Щюро был невысок, и тело его могло бы показаться тучным, если бы не мастерски сшитая тройка. Гений кутюрье, воплощенный в неброском, но шикарном твидовом костюме, маскировал недостатки фигуры, скрывал животик и делал Стального Венедикта – как за глаза называли Щюро сотрудники – почти стройным. Он поднялся, подошел к Малинину и, пристально глядя в глаза, спросил:

– Личности объектов установлены?

Малинин, не выдержав тяжелого взгляда начальника, смешался и зачистил:

– Это очень долгая процедура. Незаконная. Сервер с базой данных ООН в данный момент нам недоступен...

– Знаю, – перебил его Щюро, не скрывая раздражения.

– К тому же я просто не успел выяснить, да и никто не успел бы на моем месте! Я только что вышел...

Стальной Венедикт продолжал сверлить взглядом референта, на висках которого выступили предательские капли пота.

– Личности установить, объекты уничтожить, – подытожил президент ВИН.

Малинин поднял руки в упреждающем жесте.

– Но ведь один из них полицейский! А личные дела полицейских...

Щюро зловеще усмехнулся.

– Через два дня не будет никаких полицейских, – сказал он, и его массивное тело упало в кресло, услужливо подкатившееся со спины.

Кости вновь застучали по доске. Бросок принадлежал Пьеро, который, как всегда, был полностью согласен с боссом.

10

Болтовня «Вована» была первым, что услышал Августин, придя в себя под полифертиловым сводом капсулы.

Голова его раскалывалась от нечеловеческой боли, кровь стучала в висках. Но хуже всего была чудовищная жажда – пересохший язык едва ворочался во рту.

Анекдота он не запомнил – слова, доносящиеся из речевого синтезатора, казались чем-то совершенно нереальным, бессмысленным, нечеловеческим.

Он не понимал, что произошло. Почему он выжил в Утгарде? Почему вернулся? Почему помнит так много? Почему на капсуле не горит роковой знак УС, «убийство до смерти», или хотя бы «временное убийство»? И куда, в конце концов, подевался этот весельчак Локи, его Тень, его папа (при этом воспоминании Августина передернуло – папаша, вглюченный ему в голову глючным Утгардом, был удивительно похож на его настоящего отца, Бориса Михайловича Делпа) и персонажи еще полутора десятков виртуальных миражей, которые почти не запомнились?

Вопросов было больше, чем волос на лобке Сэми, и последняя метафора с японским колоритом немного приободрила уставшего душой и телом Августина.

Показно кряхтя, он приподнялся на локте и осмотрелся, привыкая к твердому миру, сотворенному Богом из Логоса, протонов и нейтрино, а не господином Олафом Тригтвассоном из культовых компьютерных игрушек, нейронных импульсов и нанотехнологий.

Собственно, привыкать было не к чему – за окнами царила глухая ночь, в комнате, соответственно, стояла непроглядная тьма.

Августин вполголоса выругался – громче было бы слишком болезненно для его бедной головы. Почему, почему теплым июньским вечером в огромном мегаполисе так темно, почему в окно не бьют огни Златоглавой? Беспутной, Купеческой, Разгульной?

Ответом ему послужило глухое утробное ворчание. И в этом ворчании что-то было не так.

– Сэр Томас? – спросил Августин у темноты несколько более настороженно, чем обычно хозяин обращается к сво-ему псу, пусть даже такому внушительному, как ньюфаундленд.

Темнота ответила ледящим душу воем, какой может издавать только очень голодное, истосковавшееся по пище существо. И это существо тосковало явно не по зеленой травке и парному молочку.

Августин почувствовал, как расползается раскисший папирус реальности под первыми же прикосновениями цепких пальцев критического сознания. Он похлопал себя по бокам и ощутил грубую ткань ливреи – верхней одежды морфа «Робин Гуд». Ага.

«Ага», – мысленно повторил он только для того, чтобы не заорать благим матом, не захныкать, как до смерти перепуганный ребенок.

Августин быстро вскочил на ноги, выхватил из колчана стрелу, привычным движением сдернул с плеча лук и выстрелил в темноту, ориентируясь на слух.

Раздался разъяренный рев, темноту разорвала яркая вспышка, и в ее свете Августин увидел человекоподобный силуэт, скорчившийся от боли.

В том, что это Локи, Августин без всяких там здравых размышлений не сомневался ни секунды и удивлялся лишь, почему тот позволил ему до сих пор оставаться в живых.

Он достал еще одну стрелу в решимости до конца защищать свою виртуальную жизнь и – не дай Бог – реальный рассудок.

– Упрямый ты фараон, твою мать! – к своему величайшему удивлению, услышал Августин весьма миролюбивое замечание Локи. – Я тебе только что жизнь спас, а ты мне за это третий глаз выбил. Гляди!

Под потолком комнаты вспыхнула и заколыхалась яркая зеленая медуза, «светляк» из стандартного магического комплекта аватаров класса Джирджис.

В зеленых сполохах Августин увидел, что помещение, в котором он находится, не имеет ничего общего с его московской квартирой, но это его не удивило. Он был поражен совсем другим.

На полу, у ног Локи, во лбу которого еще подрагивало оперение его йоменской стрелы, медленно растворялась уничтоженная до смерти субстанция. Выглядела она настолько необычно, что Августин машинально подмигнул в ее сторону, по привычке посылая запрос в полицейскую базу данных по аватарам и морфам. Будь они в Митгарде, Голос Неба тотчас же сообщил бы ему всю необходимую информацию. Но в Утгарде Голоса Неба не услышишь, разве только здесь есть иное Небо и иной Голос.

– Можешь мигать хоть до выключения, – язвительно заметил Локи, – все равно такого не сыщешь. Дрянь была совершенно отпетая, а уж выла так, что у меня чуть уши не лопнули.

– Так это не ты выла? – пробормотал Августин, медленно опуская лук.

– Нет, – только и успел сказать Локи.

Тишину комнаты разорвал оглушительный грохот. Там, где только что возвышалась колоритная фигура Локи, взвился гудящий вихрь огня.

Стена помещения, в котором они находились, превратилась в тучу горячей каменной пыли.

Августин не стал дожидаться, когда невидимый наводчик перенесет огонь на его скромную персону, и стремглав ринулся в открывшийся пролом.

Что бы там ни находилось, но бежать все равно было больше некуда – еще в колеблющемся свете медузы, подвешенной Локи, Августин подметил, что он, оказывается, пробудился на расстоянии вытянутой руки от многорядной колючей проволоки. Не приходилось сомневаться, под тысячевольтным током. В таких вещах любому завсегдатаю ВР лучше не сомневаться.

Аватарам класса Гильгамеш третий глаз не положен. Для этого нужно дослужиться до Джирджиса. Поэтому Августин долгое время не видел ни хрена.

Наконец клубы каменной пыли, от которой, вдобавок ко всем ее недостаткам, нестерпимо першило в горле, поредели. Сквозь них стало пробиваться поначалу слабое, но со временем все более яркое апельсиново-оранжевое сияние, и Августин увидел то, что менее всего ожидал увидеть в Утгарде. В преисподней. В геенне. В аду.

В изумрудных небесах сияло солнце. Оно не было похоже ни на реальное, земное, ни на светила Митгарда. Оно было приплюснутым, будто растянутым в стороны, как НЛО на кустарных фотографиях прошлого века. И, как положено любому уважающему себя НЛО, оно постепенно пересекало небосклон.

Под оранжевыми лучами этого блуждающего светила плескалось ласковое лазурное море. А в море, совсем близко от берега, на сверкающих всеми цветами богемского стекла столбах стоял огромный остров, покрытый лесом.

Лес, как и остров, как и солнце, не старался имитировать какие-либо естественные прообразы. Деревья в лесу, насколько мог видеть Августин, в основном были хрустальные, золотые, серебряные и яшмовые. С острова доносился одинокий напев свирели.

Замысел творца всей этой безвкусицы был совершенно очевиден. Аваллон. Элизиум. Рай. Карманный рай в недрах Утгарда.

Когда Августин бывал чем-то смущен, он, как и всякий нормальный человек, подсознательно стремился скрыть свое смущение каким-нибудь привычным «рефлекторным» действием. Даже в тех случаях, когда рядом не было никого, кто мог бы служить свидетелем его смущения.

Сейчас Августин был определенно смущен – все происходящее совершенно не вязалось с расхожими представлениями об Утгарде, а Аваллон окончательно выбил его из колеи.

Августин рефлекторно посмотрел на часы (причуды Утгарда вернули ему, кроме привычного морфа, еще и стандартный наручный интерфейс). Они показывали 18.02. С момента его вхождения в Утгард прошли какие-то никчемные секунды.

«Да будьте вы все прокляты!» – проорал взбешенный и вконец измученный Августин изумрудным небесам, холодея от мысли, что ему предстоит провести в Утгарде еще целых четыре часа.

Частичный контакт с аватаром класса Гильгамеш, морф «Робин Гуд», регистрационный код GIMEL-529-301-772/RUS, был восстановлен системой сопровождения Марьинского Координационного Центра в 18.02.371 по среднерусскому времени. Задержка пинга, таким образом, составила две десятых секунды, что находится в пределах, допустимых спецификацией VIR 7.0.5. Подготовка к экстренному отключению объекта была прервана, неспецифическая потеря контакта квалифицирована как НИВФ (нон-идентифицируемый виртуальный феномен).

11

Лучше бы Августин не кричал. Потому что в ответ на его крик сторожевой бот, ошибочно принятый им вначале за солнце, резко изменил траекторию и полетел в его сторону.

– Стоять! – заорал до смерти перепуганный Августин, щурясь навстречу непокорному солнцу. – Стоять именем сетевой полиции!

Местная природа осталась глуха к призыву властей.

От адского солнца отделился длинный сверкающий протуберанец. Сомневаться в его предназначении не приходилось.

Августин был хорошим полицейским. Он понятия не имел, почему вдруг Утгард прекратил с ним свои чудовищные игры и вернул ему прежний привычный аватар. Зато он моментально припомнил все потенциальные возможности своего аватара и сразу же ими воспользовался. В VR сперва стреляй, а потом думай. Для того ее Триггвассон и создал.

На месте Августина остался фантом, убедительно натягивающий лук навстречу приближающемуся протуберанцу.

Сам Августин был уже в воде – на вкус она напоминала «Мадам Клико» – и плыл в направлении столбов из богемского стекла.

За его спиной прогрехотал взрыв, очень похожий на тот, в вихре которого исчез Локи. Августин-фантом показательно превратился в мясную пыль. Августин-настоящий нырнул, оставив на поверхности второй фантом, столь же упорно гребущий к острову, как и его хозяин. Вот только брызг не было – его руки входили в воду бесследно и бесшумно.

Сторожевому боту на такие мелочи было наплевать. Новый протуберанец старательно слизнул с поверхности моря Августина-второго вместе с десятками кубометров воды, которая, зашипев, превратилась в облако паров первосортного шампанского и взорвалась в полном соответствии с законами объемного взрыва.

Августин был первоклассным пловцом. Особенно в морфе дельфина.

Он вынырнул только под стеклянной опорой острова и уже глазами человека посмотрел по сторонам. Сумасшедшее противозаконное солнце этого кластера Утгарда, по всей видимости, удовлетворилось результатами своей работы. По крайней мере, видно его нигде не было, и, присмотревшись к тени острова на воде, Августин понял, что «солнце» поднялось высоко и кружится где-то в стороне.

Августин сам толком не понимал, что толкнуло его к Аваллону. Скорее всего, просто возможность использования морфа дельфина, в котором он мог рассчитывать на спасение от испепеляющих протуберанцев. Так или иначе, раз уж он здесь оказался, следует осмотреться получше. Странный здесь какой-то Утгард все-таки. Чересчур стабильный.

Колонна, под которой он находился, была абсолютно гладкой, и уцепиться было не за что. Но у любого настоящего йомена есть кое-что кроме лука. У настоящего йомена за сапогом торчит превосходный нож из металла чуть покрепче золлингенской стали.

Августин достал нож и, примерившись, без особого усилия воткнул в колонну. Так и есть – одиозный матерьялец не может устоять перед универсальным полицейским инструментом «Клык Фенрира».

Нож, едва заметно вибрируя, вошел в стекло и, повинувшись движению кисти Августина, отпластал от колонны лунообразный кусок с едва заметно оплавленными краями. Кусок отправился в лазурные воды моря, Августин занялся следующей ступенькой.

Он не очень спешил и не очень медлил. С одной стороны, ему действительно было любопытно, что за звери гуляют по кичевому лесу там, наверху, на острове.

С другой – до отключения оставалось около трех часов и его главной задачей было прожить это время без фатальных последствий для своей сетевой карьеры.

Так, достигнув компромисса между инстинктом самосохранения, полицейским долгом и простым человеческим любопытством, он не спеша подымался вверх по колонне.

12

Четыре экскаватора перегораживали шоссе полностью. Они стояли, уперев в бетон мощные гидравлические опоры и опущенные ковши.

– Ставлю один к трем на террористов, – заявил Змей-7, созерцая несокрушимых железных гигантов.

– Все верно, один к трем, – кивнул более опытный Змей-3. – Но только не на террористов.

Фургоны ВИН приближались к экскаваторам, не снижая скорости. Над головным теперь реял похожий на ободранного воздушного змея привязной зонд внешнего наблюдения.

Потом крыша фургона поползла вверх.

– Что-то новенькое, – пробормотал Змей-7, просовывая нос в растущую щель.

Крыша поднялась на метр. Радары патрульно-базового самолета пока что не могли прощупать, что же скрывается там, под ней, и Змей-7 был вынужден удовольствоваться созерцанием зияющей пустоты.

Фургоны начали сбрасывать скорость. Задний тормозил значительно энергичней переднего, и дистанция между ними увеличилась до двухсот метров. Скорость фургонов упала до шестидесяти километров в час и продолжала снижаться, когда из-под крыши головной машины вылетели две гладкие сигары и, раскрыв стабилизаторы, устремились к экскаваторам.

Прогремели два оглушительных взрыва, разделенных сотыми долями секунды.

Экскаваторы исчезли под огненной полусферой радиусом не меньше сотни метров.

Змей-7 видел такое только в учебной виртуальной реальности. Но чтобы так, можно сказать, почти в жизни...

От многотонных машин осталось немного. По крайней мере, на поверхности шоссе. Вакуумная боевая часть типа «Молот», сравнимая по мощности с небольшим ядерным боеприпасом, раскатывает танк едва ли не в лист жести. А не раскатывает, так вбивает в землю по самый командирский люк. А экскаватор не танк все-таки.

Змей-7 печально вздохнул. Втайне он болел за террористов. Он видел одного живого человека там, в легком самолете. И этот живой человек был террористом. А когда он глядел на ВИНовские фургоны, ему казалось, что к Москве приближаются два заговоренных железных ящика, набитых мертвящей пустотой. Ящики Пандоры...

Террористы, потеряв связь с командиром ударной группы и убедившись в подавляющем огневом превосходстве противника, прекратили операцию.

На «Изюбрах» вновь завелась прежняя волынка, заплясали голограммы, загнусили динамики, и они, увеличив скорость до ста сорока километров в час, понеслись дальше.

13

Августин, прилепившись к колонне в двадцати метрах над поверхностью моря, дорезал последнюю ступеньку и, подтянувшись на руках, перебросил свое крепкое виртуальное тело через край острова.

Бешеное солнце было очень далеко и на его появление никак не отреагировало.

Августин с удовлетворением подумал, что он, видимо, занесен в списки погибших.

Вокруг него тихо звенели искусственные деревья, бесчисленные тропинки были вымощены не то золотом, не то позолоченным свинцом. В воздухе было разлито пение все той же

проклятой свирели, которое, как Августин неожиданно осознал, почти перестало раздражать его придирчивый слух.

Сам не понимая отчего, он принялся насвистывать, стараясь попасть в тон свирели, и пошел куда глаза глядят по тропинкам этого непонятного сада.

Вынутой из колчана стрелой он беззаботно почесывал правую щеку – еще один верный признак хорошего настроения.

Потом Августину неожиданно надоело свистеть, и он запел старую песенку из любимого когда-то в детстве фильма о подлом короле Филиппе, бравом Генрихе Пятом и его несравненных лучниках, выкосивших в чистом поле под Азенкуром весь пышный цвет французского рыцарства.

Наш йомен, право же, неплох,
Когда, оставив локоток,
Шлет стрелы в цель
И ни одной
Не тратит даром он, —

тихонько напевал, а на самом деле во все горло орал дурным голосом Августин, перевирая слова.

Он был сильно пьян, но не осознавал этого. Море шампанского может укачать даже стадо кашалотов, не то что одного сетевого лейтенанта.

Тут гемуэзцев страх берет,
Потерям их потерян счет,
И вряд ли им поможет Петр,
И громкий крик,
И страшный ор,
Ведь с нами Христофор, —

сообщил Августин большому черному камню, преградившему его путь.

Камень поднялся на четыре когтистые лапы, грациозно потянулся, зевнул, открывая огромную розовую пасть, и ласково сказал:

– Я так долго ждала тебя, Локи...

– Я не Локи, я солдат короля Англии! – заносчиво ответил Августин, чувствуя предательскую слабость в коленях. Ноги совсем не держали, и он опустился на тропу.

Мягко ступая, пантера подошла к нему вплотную и принялась.

– Ты пьян, – сказала она с отвращением.

– Я пьян, – кивнул головой Августин.

«Ты пьян, а перед тобой очередное чудовище!» – вспыхнул в голове сигнал тревоги.

Между тем «очередное чудовище», продолжая приняваться, ткнулось ему своей мягкой мордой между ног. Сигнал тревоги в голове разлился оглушительным звоном.

– Ты не Локи, – свирепо сказала пантера, подымая на него свои пронзительные азиатские глаза.

Прошла секунда, показавшаяся Августину дольше любой индуистской вечности-кали-юги. Затем пантера обрушила на его грудь когтистые лапы, приблизила оскаленную пасть вплотную к лицу и прорычала:

– Ты не Локи!

– Я не Локи, – согласился Августин, с величайшим напряжением пытаясь унять дрожь в голосе. И, не найдя ничего лучшего, сообщил:

– Я тень, я свиристель, убитый влёт...

Зрачки пантеры – совершенно человеческие зрачки – удивленно расширились.

– Повтори! – разъяренно прохрипела она, обдавая его горячим, словно ветер пустыни, дыханием. Августин, недоумевая по поводу ее возмущения, послушно пролепетал:

– Я тень, я свиристель, убитый влёт. – И поспешно добавил: – Вообще-то я лейтенант сетевой полиции по имени...

Когда человек, пребывающий в ВР, называет свое имя, у него всегда возникает секундное замешательство. Первая рефлекторная реакция – назвать подлинное, «земное» имя – всегда блокируется сервером Координационного Центра. Это нерушимый закон ВР – истинное имя актанта окутано непроницаемой тайной и даже сам актант не имеет права, просто физически не может разглашать его. А свое «аватарное», виртуальное имя приходит в голову далеко не сразу. Но Августину так и не пришлось его назвать.

В тот момент, когда он уже собирался произнести «Джонни Джармуш», наступила непроницаемая тьма. Далекое солнце-сторожевик выключилось.

– Кто бы ты ни был – беги!!! – заорала пантера, убирая лапы с его груди.

Августин понял только одно – СНОВА ОПАСНОСТЬ. Окончательно трезвея, он вскочил на ноги. В его руках мгновенно оказался лук с вложенной в него стрелой. Августин попытался включить инфракрасное зрение – черта с два. Проклятый Утгард вернул все-таки отнюдь не все базовые характеристики его аватара.

– Куда?! Куда бежать?! – спросил он у пантеры.

Вопрос не был праздным. В такой крошечной тьме нельзя было сделать двух шагов, чтобы не удариться лбом о ствол какого-нибудь райского апельсинового дерева.

– Ну ты идиот, легавый, – проворчала пантера. – Садись ко мне на спину.

Августин почувствовал, как в его йоменский гульф ткнулся теплый зад пантеры. Не задавая лишних вопросов, он оседлал свою новую знакомицу. И они понеслись.

Пантера, не в пример Августину, прекрасно видела во тьме. Она неслась по одним лишь ей ведомым тропинкам. Иногда, вся подобрившись, она перепрыгивала через поваленные деревья. Несколько раз под ее лапами раздавался плеск воды и в лицо Августину летели брызги шампанского.

Их все-таки настигли. Из крошечной тьмы за спиной Августина совершенно бесшумно возникло нечто и вонзило в его спину стальные когти.

Мягкая спина пантеры ушла куда-то вниз. Августин, чье тело разрывалось на куски от боли, с ужасом почувствовал, что несется в воздухе.

За спиной раздался чудовищный, леденящий душу надрывный вой сверла. В затылке Августина возникла крошечная точка новой боли. И она росла.

14

«ВР без боли – ничто. Без боли – значит без наслаждения, без страха, без эмоций. Поэтому я сделал боль и положил ей меру. Если, пробив титановый панцирь, пробив кевларовую подкладку, пройдя сквозь одежду и кожу, в твою грудь вонзится меч Джирджиса и войдет в твое живое сердце, ты не только увидишь его, ты не только почувешь запах своей горячей крови, но ты испытаешь то, что должен, – боль. Очень сильную боль. Возможно, меньшую, чем испытывают в подобной ситуации наяву – ибо боль будет изготовлена добрым компьютером Координационного Центра, а не твоими злыми человеческими нервами, которые не знают пощады, – но это будет очень сильное, ха-ха, переживание. И, очнувшись среди океана

липкого холодного пота в своей капсуле, ты поймешь, какое это прекрасное времяпрепровождение – жизнь».

Олаф Триггвассон. «Страннее, чем рай»

15

– Антропос, антропос... Какое это прекрасное времяпрепровождение – жизнь, – раздался за спиной Августина мечтательный голос. – Сейчас мы посмотрим, что там у тебя внутри.

Сверло вворачивалось все глубже. Похоже, его обладатель был существом обстоятельным и никуда особенно не торопился.

Августина ждало долгое, мучительное, сводящее с ума убийство до смерти. Причем «сводящее с ума» не было здесь фигурой речи. Если, не дай Бог, плохо сработают фильтры Координационного Центра, Августин вернется в реальность безумцем.

По спине Августина струился слабый пока ручеек крови, когти болтливого мерзавца, казалось, вошли в его тело до самого позвоночника. «Момент минус десять», – сообщил Голос Неба.

Августин отшвырнул совершенно бесполезный лук.

Подогнув ногу к груди – это простое при нормальных обстоятельствах действие теперь стало для Августина страшной пыткой – он выхватил из-за сапога нож и ударил им наугад, стремясь перерубить сверло.

Но, увы, механический гад был сработан на совесть. С негромким лязгом нож отскочил от бешено вращающейся стали.

– Беспокойный антропос... – констатировал его мучитель.

Вслед за этими словами блеснула яркая вспышка, и правая рука Августина, сжимавшая нож, полыхнула малиновым пламенем. На ее месте осталась лишь обугленная культя.

– А-а-а-а!!! – завопил Августин, теряя остатки самоконтроля.

– Хорошо, – мечтательно пробормотал киборг (сомнений не было, это был именно киборг, аватар класса Джирджис, морф «Бешеный Макс»). – Очень хорошо. Ты приближаешься к Идеальному Катарсису.

Идеальный Катарсис придумали политические комиссары Социальной Республики Сол. Идеальный Катарсис, как учил великий Кетцаль, это полное растворение через отражение и преломление человеческой души в абсолютно гладких гранях Сердца Материи. Выражаясь проще, такая себе нирвана.

В Республике рекомендуется приводить к Идеальному Катарсису через долгие и изысканные пытки.

Но отчего в электронных устах исчадия Утгарда вдруг прозвучали слова из лексикона идиотов Митгарда – этого Августин взять в толк не мог. Да и не пытался. Сверло медленно, но уверенно продиралось сквозь его затылочную кость.

Кричать он уже не мог.

«Момент минус пять».

Киборг продолжал философствовать, но Августин уже не понимал его. Слова, фразы казались строками телеграмм из потустороннего мира, да и сам Августин был уже на пороге истинного ада.

В голове расцветали пурпурные цветы. Над океанами крови парили уродливые бабочки, сотканые из огня, окурков, немытой посуды, смятых и расстрелянных тел, пустых шприцов и бутылок, автоматных гильз, поношенной одежды и рваных простыней.

«Момент минус один».

На поверхности кровавого океана появилась черная воронка.

По ее краям вились длинные рыжеватые стебли. Августин падал в нее со скоростью метеора, падал и никак не мог упасть.

«Выключение».

Глава 3

Амулет

1

Малинин вернулся спустя два часа. За это время Пьеро успел проиграть хозяину дважды. Но он не расстраивался. Выигрывать в нарды у шефа – дурная примета. Это подтвердит кто угодно, в особенности же – сам Стальной Венедикт.

– Входи, – скомандовал президент компании ВИН, и умные двери пропустили просителя.

Малинин выглядел сконфуженным – словно школьник, ощущающий, что наказание неминуемо. От проницательного взгляда Щюро не укрылись мелкие капельки пота, выступившие на лбу референта.

– Ну что, друг мой Шура, как там наши нарушители? – поинтересовался шеф, самодовольно складывая руки на животе.

Александр прекрасно знал, что любезность шефа не предвещает ровным счетом ничего хорошего. Но отступить ему было некуда.

– Один из объектов уничтожен на границе Зоны Стабильности. Другой уничтожен на время. Добить не успели из-за планового выключения. Координационный Центр отрубил его раньше, чем мы успели его как следует придавить...

– Не понял? – переспросил Пьеро, играя кубиками на ладони. Он, похоже, плохо понимал, как это, в принципе, можно «не успеть» в таком плевом деле, как уничтожение объекта.

Малинин пустился в сбивчивые разъяснения.

– Объект номер два, полицейский, аватар класса Гильгамеш. Он проник в зону стабильности. Черт его знает как. Потом он обманул сторожевой бот и пробрался на остров. Там он вступил в контакт с объектом «Пантера», а когда мы...

– Что ты сказал?! – заревел Щюро, выскакивая из кресла. – Вступил в контакт с Пантерой? Или я ослышался?

– Так и есть, – подтвердил Малинин, бледнея.

– Может быть, он еще ее трахнул, после того, как вступил в контакт? – спросил Щюро ледяным тоном.

– Насколько мне известно... То есть мне не известно, чтобы...

Щюро играл желваками и молчал. Никто не смел нарушить тишину.

Пьеро налил в чашку тончайшего китайского фарфора молока с экстрактом индийской конопли и чуть пригубил напиток далеких богов. С функциональной точки зрения Пьеро было все равно: он мог бы пить и машинное масло, и сырую нефть. Но вкусовые рецепторы у него все-таки имелись – для химического экспресс-анализа твердых веществ и жидкостей. И порою Пьеро удавалось убедить себя, что от некоторых напитков он получает субъективное удовольствие, как настоящий, живой человек.

Малинин стоял по стойке «смирно». Глаза его слезились от страха. Он знал, что объект «Пантера» – слабость их ярого президента и что на содержание островного парадиза компания тратит не менее одной двухсотой части своего годового дохода. То есть чудовищную сумму, которую самому Малинину не заработать за всю жизнь. Наконец пауза была прервана.

– Дальше. Личности объектов установлены?

– Пока нет. Мы выяснили, что личность первого – того, который был убит – установить невозможно. Он незарегистрированный пользователь и в гражданской базе данных никаких

записей о нем не содержится. Скорее всего, входит в ВР со своей мобильной станции. Аватар класса Джирджис. Ловок. Сообразителен. Интеллектуальный индекс чрезвычайно высокий.

«Локи», – прошептал Стальной Венедикт.

– Второй – полицейский, – продолжал Малинин. – Работать с полицейским сервером сложно, но мы уже сделали заказ. Наш человек сможет выяснить все, касающееся его персоны, к завтрашнему утру. Включая локализацию его капсулы входа.

Щюро опрокинул чашку с молоком, поставленную подле него услужливой рукой Пьеро.

– Если это требуется, можно поискать и дополнительную информацию касательно его интимных предпочтений, в том числе и насчет четвероногих, разных там кошачьих... – зачистил Малинин, который из кожи вон лез, чтобы угодить шефу.

Увы, Малинин был глуп. Сам того не желая, он допустил чудовищную бестактность.

– Послушайте, милейший, я хочу провести один эксперимент, – вкрадчивым голосом сказал Щюро, бросив на своего начальника охраны заговорщический взгляд. – Закройте глаза и не открывайте их, пока я не попрошу. Идет?

– Конечно, конечно, – с дрожью в голосе сказал Малинин и смежил веки. – Эксперимент – это хорошо, очень хорошо...

– Только не подглядывать!

Стальной Венедикт протянул Пьеро открытую ладонь, которая сразу же отяжелела – на нее лег АПЛ-9. Автоматический пистолет Леонова калибра девять миллиметров. Любимая игрушка Пьеро. Щюро сбросил пистолет с предохранителя и выпустил ровно две пули. Одна вошла Малинину между глаз, а другая пробила правое легкое. Навылет.

Пьеро одобрительно покачал головой. Неплохо для человека. Он бы сделал то же самое, но только чуть быстрее и чище.

Не успев ни вскрикнуть, ни испугаться, Малинин упал на пол, который стремительно окрашивался во все оттенки красного и серого.

– Теперь можешь открыть глаза, дорогой мой Шура, – рассеяно глядя на референта, сказал Щюро.

Малинин, разумеется, не шевельнулся. Да и глаз у него теперь не было.

– Не можешь? То-то же, – меланхолично заметил Щюро, и послушное кресло доставило его прямо к окну, за которым сиял красою типичный среднерусский пейзаж.

2

– ...Иван, из России, и Жан-Поль – француз, гуляют по пляжу в окрестностях Ниццы. Все бабы, как одна, не сводят глаз с Жан-Поля и провожают его томными взглядами...

Болтовня «Вована» была первым, что услышал Августин, придя в себя под полифертиловым сводом капсулы.

Голова его раскалывалась от нечеловеческой боли, кровь стучала в висках. Но хуже всего была чудовищная жажда – пересохший язык едва ворочался во рту.

– ...проходит день, два, на Ивана никто не обращает внимания. Ему завидно. Он просит Жан-Поля: поделись, мол, со мной секретом, как нравиться женщинам. Жан-Поль ему советует подложить в плавки картошку, и тогда, мол, все будет в порядке...

Августин открыл матовую крышку капсулы и, стараясь обходиться без резких движений, дабы не усилить разрывающую череп мигрень, ступил на пол.

Томас был тут как тут. Он смотрел на Августина своими пронизательными собачьими глазами и лениво вилял хвостом. Весь его вид выражал сострадание.

– Иван делает так, как посоветовал Жан-Поль. Проходит неделя – никакого эффекта. Наконец он встречается Жан-Поля в раздевалке и злится: «Ты меня обманул!» Жан-Поль оки-

дывает Ивана критическим взглядом и говорит: «Так ведь картошку нужно было спереди подкладывать!»

Августин подошел к компьютеру. Спикер «Вован» продолжал болтать как ни в чем ни бывало.

– Послушай, Томас, я что, забыл его выключить? – в полном недоумении спросил пса Августин.

В его мозгу был отчетливо запечатлен тот момент до начала дежурства, когда он сказал «Вовану» «хватит», а потом, немного погодя, выключил и сам компьютер. Вроде бы так. Впрочем теперь, после бесконечно мутирующих просторов Утгарда, ему было нечеловечески трудно быть в чем-либо уверенным.

«Наверное, все-таки забыл, – вздохнул Августин. – Если бы в квартиру проникли какие-нибудь враги народа или, допустим, воры, Томас, конечно, проучил бы их. Ну, или хотя бы нервничал сейчас... А то сидит как калоша, слюни распустил...»

Томас, высунув наружу свой длинный и влажный язык, преданно смотрел на Августина, не выражая никаких признаков беспокойства. Ему тоже было жарко.

Августин глянул на термометр. Двадцать восемь градусов. Многовато для десяти часов вечера.

3

«Что же такое истинная Виртуальная Реальность, которую я подарил несчастному человечеству?»

Во-первых, это сверхмощные нейрокомпьютеры, связанные в одну глобальную интернациональную Сеть. Универсальная база данных содержит миллиарды эталонных сигналов для твоего мозга, и она каждую минуту пополняется новыми. Из этих эталонов нейрокомпьютеры создают все, что ты видишь, слышишь, нюхаешь и чувствуешь.

Во-вторых, это периферийные Координационные Центры, фильтрующие или ослабляющие смертельно опасные сигналы, следящие за здоровьем пользователей и отвечающие за соблюдение правил игры.

В-третьих, это личные пользовательские капсулы. Во время сеанса они блокируют сигналы от естественных органов чувств и заменяют их сигналами, идущими от нейрокомпьютеров. Кроме этого, капсулы отслеживают реакцию мозга на поступающие сигналы и, перехватывая команды мозга различным частям тела, возвращают их нейрокомпьютерам. Так обеспечивается обратная связь, а заодно исключается вся эта комическая дурь вроде сучения ногами во сне.

Даже если человек в ВР бежит олимпийскую дистанцию или, допустим, занимается любовью с какой-нибудь милой особой, он внешне остается спокоен как безмятежно спящий младенец. Кое-что, конечно, подавлять просто нельзя. За счет этого иногда выделяется немного пота, слюны или различных секреторных веществ в зависимости от пола пользователя. Большинству это даже нравится, а те, кого это не устраивает, могут убираться вон из моей Виртуальной Реальности».

Олаф Триггвассон. «Страннее, чем рай»

4

Щюро шелкнул пальцами.

Чуткие уши внутренней системы наблюдения уловили знакомый акустический сигнал.

В караульном помещении номер четыре, находящемся по соседству с апартаментами Щюро, зажглось старомодное зеленое табло. «Вас вызывает директор», – лишенный интонаций женский голос продублировал надпись на табло.

Все это можно было сделать в десять раз эстетичнее, в пятьдесят раз современнее и в сто раз дороже. Но Щюро был рачительным хозяином. Все, что при прежнем директоре было устроено с его точки зрения слишком сложно (а значит, не вполне надежно), Щюро приказал демонтировать, распродать по офисам кичливых зауральских магнатов и заменить простым и надежным.

Двое дежурных охранников стремительно выскочили из помещения номер четыре и спустя несколько секунд появились на пороге.

– Уберите, пожалуйста, – распорядился Щюро, имея в виду труп Малинина с простреленной головой и окровавленный ковер.

– Кровоизлияние в мозг, – пояснил он охранникам, на чьих лицах читалось брезгливое недоумение.

Через пять минут кабинет вновь пришел в рабочее состояние. Новый ковер, полностью идентичный предыдущему, занял место своего безвинно пострадавшего предшественника.

– Ну что же, дорогой, наконец-то мы одни... – Щюро подмигнул своему начальнику охраны. – И теперь настало время для спокойной работы ума.

Пьеро без энтузиазма кивнул. Он не любил работать умом. Он любил работать пистолетом Леонова, автоматом «Мистраль», пистолетом-пулеметом «Унимаг», гранатометом АГС-100, штурмовой винтовкой М-27 и железными кулаками. Но если шефу угодно...

– Видишь ли, задеты честь и достоинство нашей фирмы. Террорист, которого я, кажется, знаю, повадился ходить в нашу Зону Стабильности как козел в огород. У него на хвосте болтается еще какой-то легавый. Если так пойдет дальше, они скоро по моему кабинету бродить начнут, а?

– Хорошо бы... – бесстрастно заметил Пьеро, извлекая из пистолета обойму без двух патронов. – Тут бы я их без всяких там виртуальных штучек, без Идеального Катарсиса... до полной биологической смерти...

– Вот именно, – жестко оборвал его Щюро. – Но перед этим надо поработать умом. И так. Их убили. Одного до смерти, другого на время. Но от ВР смерть их не отвадит. Потому что оба они – натуральные маньяки ВР, они просто жить без нее не могут! Это стопроцентно верно, потому что только маньяки по своей воле входят в Утгард. Следовательно, они уже завтра захотят возвратиться в ВР... И не просто в ВР, а в нашу Зону Стабильности. Чтобы вернуться в ВР, они должны...

– Купить «форсаж», – продолжил мысль шефа Пьеро, пряча в кобуру дозаряженный пистолет. – А чтобы купить «форсаж», они должны обратиться к Хмырю.

За что Щюро любил своего начальника охраны, так это за умение поддержать просвещенную беседу.

– Да! – воскликнул он. – И поэтому Хмыря надо убрать. Но этим может удовлетворяться только очень ограниченный человек. Я, например, этим не удовлетворюсь... Кроме того, надо прикрыть наш сказочный Остров. И заказать старому дурню Деппу что-нибудь повеселее. Например, замок. На случай, если эти мерзавцы нас все-таки опередят, мы должны иметь запасной вариант. Они влезут в Зону Стабильности, а там... А там посмотрим. Так или иначе, мне, помимо всего прочего, нужны будут хорошие уши. А Хмыря – убрать. Надоел.

Щюро обладал колоссальной интуицией. Он был уверен, что убитым сегодня в Утгарде террористом был Локи, с которым его связывало многолетнее и не самое приятное знакомство.

Он пока еще толком не понимал что к чему, но был уверен, что Локи умышленно притащил легавого в Зону Стабильности. Видимо, с точки зрения Локи, что-то там легавый должен был сделать в этой Зоне, но что именно? Главное, своим звериным чутьем Щюро ощущал, что вся эта история так или иначе обязательно выведет его на базу террористов. А террористы были, пожалуй, единственной реальной силой, способной помешать его планам...

– Так что... Разрешите приступить к ликвидации Хмыря? – с надеждой спросил Пьеро.

– Не разрешаю. Пусть лучше Воронов лишний раз своих людей потренирует. Им скоро ох как много работать придется...

5

Августин наскоро разделся, машинально попросил телевизор включиться и плюхнулся с головой в едва теплую ванну.

– Если вы или ваш мужчина не находите это красивым, значит, вам пора срочно заняться вашим вкусом! – вещал вкрадчивый мужской баритон.

Через минуту Августин смыл с лица хлопья пахнущей жасмином пены и всплыл.

Экран телевизора располагался прямо над его ступнями, отдохавшими на краю ванны. Вообще-то Августин не был поклонником простых видеорадостей и считал их жалким уделом тех, кому не по плечу суровые утехы виртуального мира.

Августин презирал телевизор.

Он даже на спор не мог назвать трех медиакомпаний. В свое время он не вспомнил ни одной и бутылка отменной медовухи «Князь Трубецкой» (на которую-то Августин и поспорил) уплыла в руки его приятеля Сергея...

Но в этот вечер Августин умерил свое презрение. После всех шепчущих и кричащих ужасов Утгарда, большинство из которых он даже толком не помнил, ему мучительно хотелось услышать нормальный человеческий голос. Даже если это слащавый тенорок ведущего дебильной «образовательной» программы для несовершеннолетних или вкрадчивый баритон реклам-диджея «Голубой волны»...

– Посмотрите на этого юношу! – разорвался обладатель вкрадчивого баритона. – На его груди нет ни одного волоска. Что же, встречайте летний хит – депиляторный крем «Унисекс-Брист»! А теперь посмотрите-ка на свою грудь! Как, на ней все еще есть волосы? Фу-у-у! Фи-и-и! Фэ-э-э! С волосами на груди вы похожи на орангутанга! Станьте же человеком! Крем «Унисекс-Брист» сделает вас моднявым, желанным, обалденным!

Скорее машинально, чем обдуманно, Августин опустил взгляд на свою грудь, покрытую жасминовой пеной и, разумеется, волосами. Нормальная мужская грудь. Обыкновенная, не сказать, чтобы «моднячая»...

В следующее мгновение брови Августина взлетели едва ли не на затылок.

На его волосатой груди покоилась изящная, почти невесомая резная пластина из кости. «Вот те на... Подарок от Дедушки Мороза?» – пробормотал себе под нос Августин, спешно вылезая из ванны.

* * *

Августин, поглощенный своей находкой, не знал и не мог знать, что телевизор, скучающий в его ванной комнате, был настроен на «Нежную Радугу» – культовый чэннел московских сексуальных меньшинств. Настроен рукой проходящей раз в месяц домработницы Людмилы

Ромуальдовны, чопорной и полногрудой матери четырех оболтусов и страстной (хотя и тайной) любительницы разновсяческих видеоперверсий.

В другое время сей факт, пожалуй, развеселил бы Августина. Но Августина, разглядывающему костяную пластину, что лежала на его мокрой ладони, было не до веселья.

Находка была проста и незамысловата, как и большинство предметов в реальном мире. Она представляла собой костяную бляшку, по форме близкую к овалу.

На лицевой стороне бляшки было вырезано незатейливое изображение – нечто вроде буквы Э, положенной набок «рожками» кверху. Не то иероглиф незнакомого языка, не то примитивное плавсредство...

Приглядевшись, Августин заключил: да, это лодка. Нечто подобное ему уже приходилось видеть в раннем детстве, когда отец водил его на экскурсию в музей при Институте Этнографии. Там среди скифских баб и неолитических серпов, попадались и такие вот рисуночки...

Больше на бляшке не содержалось ничего примечательного. Никаких надписей. Никаких указаний. Просто лодка и все. Просто амулет.

В верхней части бляшки была просверлена дырочка, через которую проходила шерстяная нить, словно бы высученная вручную из грубой грязно-желтой шерсти.

И что же это выходит? Вся эта архаическая красота уже висела на его, августиновой шее, когда он вылез из капсулы! Получается, кто-то невесть зачем нацепил на него амулет, пока его тело, лишённое сознания и воли, лежало в капсуле и пока его сознание вкупе с его душой блуждали по просторам Митгарда и Утгарда. Но кто?

Открыть капсулу, когда в ней находится человек, – задача не из простых. Впрочем, хотя она и не проста, но в принципе выполнима. Главное – не снимать с головы нейротранслятор. Но с другой стороны, не снимая нейротранслятор, невозможно надеть на шею амулет...

На секунду Августина показалось, что он сходит с ума. Мелькнула даже зловещая мысль, что все происходящее – очередной морок распоясавшихся демонов Утгарда и что он все еще находится в плену безумной ВР.

«Да нет же, на самом деле все просто! – наконец сообразил Августин. – Нужно всего лишь развязать узелок на нити амулета, продеть нить под шеей, а потом снова завязать. Тогда и овцы сыты, и волки целы. То есть тьфу, наоборот».

Решение этой несложной головоломки принесло ему несказанное облегчение. По крайней мере, *здесь* ничем сверхъестественным не пахло.

– Ладно, пойдём дальше, – сказал Августин вслух, чтобы приободриться.

Войти в чужую квартиру непросто, но если очень постараться – то пожалуйста. Вот чего действительно не мог понять Августин, так это, как Дедушке Морозу (или, может быть, Снегурочке?) удалось одурочить бдительного Томаса.

Ведь, как выразился бы дедушка Августина, некогда служивший в пограничных войсках на туркменской границе, «злость собаки Томас породы ньюфаундленд отличная».

Августин был полностью согласен с такой характеристикой. Сэр Томас изображал добрячка и дружелюбно вилял хвостом только с личного позволения Августина. К посторонним же пес был холоден, если не сказать враждебен. И, пожалуй, Томас с удовольствием разорвал бы на куски любого, кто покусился бы на его хозяина, лежащего без движения в саркофаге капсулы... Даже если бы постороннему удалось каким-то образом ускользнуть с места преступления невредимым, Томас не преминул бы сообщить об этом восставшему из Утгарда хозяину злобным ворчанием...

Значит, даритель амулета не был посторонним.

Может, это была Ксюша?

Конечно же, это была Ксюша! Воспользовавшись тем, что входной замок Августина настроен, в частности, и на ее отпечатки пальцев, она вошла, послушала анекдоты от «Вована»

и, не дождавшись хозяина, смылась, оставив Августину свой оригинальный подарочек. Может быть, какой-то срочный звонок с работы изменил ее планы...

«Все-таки она очень странная девушка. Могла бы хоть пару строк надиктовать, что мол, была, люблю, целую... Эх, Ксюша, Ксюша...» – вздохнул Августин и плюхнулся на диван.

На полу – там только что стоял Августин, – теперь красовалась разлапистая лужа с хлопьями жасминовой пены. Что ж, нужно было вытираться...

6

– Анатолий Андреевич?

– Здравствуй, Венедикт. Чем обязан в столь поздний час?

Анатолий Андреевич, он же генерал-полковник Воронов, пальцем вывел энергичный вопросительный знак на столе, застеленном цветастой скатертью – кое-где подпачканной, но в остальном вполне пристойной. Стол находился в кафетерии, расположенном в подвале Центрального Управления Департамента Безопасности.

Генерал-полковник носил три звезды на погонах уже давно. После Большой Чистки 2044 года в Департаменте Безопасности образовался прискорбный кадровый вакуум. Поэтому офицеры, сохранившие, несмотря на все проверки и разносы, свои удостоверения ДБ, еще тогда, в 2044 году, были повышены на одну, а то сразу и на две ступени. Да и в дальнейшем большинство из них ожидал завидный служебный рост.

Поэтому Воронов, насладившись быстрой сменой званий «генерал-майор» и «генерал-лейтенант», плавно поднялся к самой вершине силовой иерархии еще пять лет назад. С тех пор он терпел обращение «генерал-полковник» только в строго уставных ситуациях. Во всех прочих случаях Воронов представлялся просто – «генерал» – и просил, чтобы именно так обращались к нему гражданские друзья и доверенные сослуживцы.

Кто знает толк в таких вещах – поймет генерала Воронова.

В подвале Центрального Управления Департамента Безопасности генерал пил какао. И хотя Воронов мог заказать его прямо в кабинет, он предпочел спуститься. На то имелась масса причин.

Во-первых, было десять часов вечера. Сидеть в замкнутом помещении круглые сутки осточертеет кому угодно, а Воронов, прибыв на работу ровно в 8.00, все это время провел за рабочим столом.

Во-вторых, посетителей здесь обслуживали смазливые незакомплексованные девушки. В вечернее время можно было рассчитывать на повышенное и совершенно бесплатное внимание к своей персоне.

В-третьих, именно в кафетерии встречались коллеги, заползшие сюда из аналогичных соображений. В этом случае можно было насладиться сальным анекдотом.

А потому когда радиотрубка, притаившаяся возле пепельницы, запищала, генерал Воронов был не слишком доволен. Решение служебных дел в кафетерии не входило в его планы. «Вован» однажды сочинил анекдот про то, как Василий Иванович Чапаев пошел работать в гинекологи и убил девочку по дороге домой после трудового дня. Девочку (в десятиминутной версии «Вована» зачем-то выяснялось, что девочку изображал переодетый поручик Ржевский, хотя это на соль анекдота никак не влияло) угораздило предложить гинекологу просмотр своей пипки в обмен на мороженое «Поцелуй Евы Браун».

Так вот Воронов чувствовал себя тем самым гинекологом. К которому на следующий день после судебного процесса пришла посылка с «Поцелуями Евы Браун».

– Скажу тебе честно, Анатолий Андреевич, у меня возникла одна проблемка, которую я рассчитываю решить с твоей помощью, – сказал густой мужской голос. – Но для начала маленький подарок. Можешь взять Хмыря, он мне больше не нужен.

– Какого еще Хмыря? Того плюгавого подпольщика, что подвизается на взломе виртуальной реальности?

– Да, Анатолий Андреевич, да. Того самого. Только дураки коней на переправе меняют. И бери его поскорее, сегодня же вечером, пока я не передумал.

– Двоих ребят будет достаточно? – поинтересовался Воронов, которого помимо всего прочего злило, что Стальной Венедикт беспокоит его по столь мелкому поводу, как дезинтеграция физического тела своего собственного бывшего холуя. Тоже мне, «подарочек». Вот тебя бы, Венечка, взять да за яйца... Это был бы «подарочек»!

– Нет, – с нажимом сказал голос в трубке. – Никак не меньше четырех. И при значках ДБ, и при ксивах. Это должно выглядеть не как убийство, а как плановая операция по задержанию опасного преступника. Которая, разумеется, случайно приведет к его смерти. Имейте в виду: он там забаррикадировался, что твой снайпер на позиции. Так просто к нему не вломишься.

– Сделаем как надо. Это все, Венедикт? – спокойно спросил Воронов, когда грудастая девушка в розовом переднике поставила перед ним поднос с румяными булочками и кувшинчиком какао.

– Нет, это был подарок. А теперь хочу просить о встречном одолжении. Пришли ко мне одного из спецов по виртуальному шпионажу. Какого-нибудь виртуоза с большим опытом. А то мои все Асгардом заняты. Тут нужно повисеть и послушать один разговор. Это к завтрашнему утру.

– А вводную информацию для моего виртуоза кто даст?

Трубка некоторое время помолчала.

– Вводную, говоришь? Ее еще сочинить надо... Полчаса подождет?

– Подождет, – угрюмо буркнул Воронов. Все-таки штатские бывают исключительно нерасторопны.

– Ну вот и хорошо. Кстати, Анатолий Андреевич, мы сегодня думали с Ефимом нагрянуть под полночь в «Московские Звезды». Третьим будешь?

Тяжелые складки на генеральском лбу немного разгладились.

– Нет-нет-нет, не откажусь. – Это была его коронная застольная шутка.

– Ну тогда до скорого.

– До скорого.

Воронов не любил Щюро. Но отдавал должное мощи его интеллекта, его тяге к власти, размаху замыслов. Воронов не любил преступника Щюро, но любил его преступные идеи. А еще генерал Воронов любил свои преступные идеи. В том, что рано или поздно им придется сойтись на узкой дорожке, он не сомневался. Но пока что они в одной команде и должны помогать друг другу как близнецы-братья. Поэтому он был полон решимости предоставить Щюро мертвого Хмыря и живого виртуоза сыска в лучшем виде.

Наскоро выхлебав две чашки какао, генерал встал из-за столика и окинул меланхолическим взглядом кафетерий. По всему видно, еще два часа в родном кабинете ему обеспечены. Зато потом его ждет Египетский зал, маслины, армянский коньяк... «И свиная харя Салмаксова», – прервал он полет своей фантазии, направляясь к лифту.

Когда лифт плавно тронулся и заскользил вверх, генерал Воронов тихо пробормотал:

– «При значках ДБ, при ксивах, плановое задержание...» Я тебе тут что, дешевая либеральная богадельня, да?

Перед его глазами предстали затянутые в черную форму бойцы огневых секций «Эскадрона С». В их лицах не было ничего либерального.

7

– Подъем! Не оборачиваться! – Ледяной голос разорвал тишину комнаты.

Сгущались июньские сумерки. Августин в чем мать родила лежал на кожаном диване. Приказ, отданный незнакомцем, явился для него полной неожиданностью. Он не слышал шагов. В конце концов, Томас не лаял...

Августин нехотя поднялся с дивана.

«Нужно было проверить всю квартиру перед тем, как лезть в ванну, – пронеслось у него в голове. – Это, наверное, тот дружок, что слушал „Вована“ и нацепил эту дурацкую цапку мне на шею! Ксюша тут, видать, ни при чем».

– Встать к стене! – продолжал вошедший.

Наверное, в руках у него имеется что-то, позволяющее быть столь требовательным и вести беседы столь невежливые.

Но где же Томас? Где его верный пес с «отличной злостностью»? Неужто умного ньюфа придется комиссовать или лишит довольствия за неудовлетворительное исполнение служебных обязанностей? Его хозяина держат на мушке, в то время как он, чертов верный пес, виляет хвостом у ног злоумышленника, не произнеся даже сакраментального «гав»?

«Наверное, сэру Томасу достался какой-нибудь собачий клофелин», – вздохнул Августин. Он подошел к стене и покорно положил на нее руки.

– Послушай, парень, по-моему, ты что-то забыл...

Августину очень хотелось взглянуть в лицо нарушителю суверенитета его квартиры. Но он твердо знал, что шутить с вооруженными ребятами – развлечение для тех, по ком плачет крематорий.

– По-моему, Августин, ты забыл закрыть за собой входную дверь, – выдержав паузу, сказал человек с воображаемым пистолетом, и в его голосе не было теперь ни враждебности, ни твердой решимости карать без предупреждения. В нем не было ничего, кроме дружеской иронии.

– Серега? – не веря своим ушам, прошептал Августин и обернулся.

В совершенно темной комнате стоял его школьный товарищ, Сергей Гаспаров.

Сэр Томас сидел у ног Сергея, в полном недоумении наблюдая за происходящим. Он и не думал лаять – ведь именно Сергею Томас был обязан своим появлением в доме Августина. Сергей подарил Августину потешного крохотного щенка, которого называл «алиментным», на Рождество 2045 года.

– Не обессудь, дружище, – гость был очень смущен, и если бы не темнота, Августин наверняка увидел бы, как зарделись его уши, – работа такая. Кругом вижу одних преступников.

Они сидели за стеклянным журнальным столиком и пили джин-тоник.

Торшер облагораживал гостиную мягким светом, а на столе источали каждый свои ароматы отменная салями и земляничный мусс. (Более в холодильнике Августина, который гордо именовался «Суперфризером», не нашлось ничего, что сошло бы за закуску.)

Августин успел одеться. Правда, пуговицы на рубашке были застегнуты через одну, но ни он, ни Сергей на такие мелочи свое внимание не разменивали.

Бесшумный ветерок в комнате был обязан своим происхождением многочисленным выходам кондиционера, встроенным в стены и подвешенным к мебели на присосках.

– ...когда я подошел, многое показалось мне ужасно странным. Во-первых, панель-при-вратник. На ней вообще не было сообщений. Ни обычного «хозяин квартиры отсутствует», ни «вас ждут, проходите». Панель, очевидно, просто вывели из строя. Причем сделали это грамотно – иначе над ней уже колдовал бы ремонтник из ЖЭКа. Это навело меня на мысль, что в квартиру было совершенно несанкционированное проникновение. Я, естественно, сразу потянул дверь на себя и убедился в том, что она не заперта. Ну, думаю, плохи дела...

Августин сделал маленький глоток.

– В общем, я зашел, стараюсь ступать бесшумно. В ванной комнате разорвался телевизор, настроенный на «Нежную Радугу». Показывали «Ромео и Гамлета», версию для взрослых. Это тоже насторожило меня – я никогда не сомневался в твоей сексуальной ориентации, а тут...

Августин нашел в себе силы вымученно улыбнуться.

Конечно, во время странствий по виртуальной реальности он иногда принимал аватар женщины. Иногда – в оперативных целях, иногда – в иных. Насчет последних он не рассказывал никому, кроме Ксюши. Но ВР – это не считается. Просто очень уж хотелось ему тогда узнать, что эти женщины чувствуют, когда занимаются любовью. В общем, ВР – это одно, а реальная реальность – совсем другое.

– Пойми меня правильно, Августин. На полу – пена, пахнет жасмином, одежда раскидана по всей квартире, да и вообще сумерки. Я уж думал, не случилось ли с тобой чего. А тут еще какой-то голый мужик лежит на диване как мертвый. В темноте не видно...

– Ладно... Будем! – миролюбиво сказал Августин, чокаясь с Сергеем.

В ночном небе Москвы прогремел взрыв. Вслед за ним раздался пронзительный свист и частый треск.

Фейерверк? По какому поводу? Не сговариваясь, Августин и Сергей вскочили с кресел и встали у окна.

Множество огоньков летело по небу – каждый в свою сторону. Фейерверк ли это – определить было нелегко. «Но уж по крайней мере точно не авиакатастрофа», – заключил Августин.

Однажды Августину случилось видеть, как на посадочной полосе гробанулся транспортный конвертоплан. В тот момент Августин находился в одном из учебных вертолетов и осваивал нехитрый маневр – посадку на площадку шириной двадцать на двадцать метров в условиях хорошей видимости. Августин сел без проблем. А вот конвертоплан со всем своим содержанием и экипажем...

– Все ясно, – мрачно сказал Сергей. – Реклама ВИН, будь она неладна.

Взрыв, привлечший к себе внимание всех, начиная от обитателей соседних домов до пешеходов на улице, был отличным рекламным трюком. Народ высыпал на улицы и не было никого, кто в этот момент не стоял бы, подняв глаза к небесам.

Взрыв породил множество живущих собственной жизнью ракет, каждая из которых направилась в отведенном ей направлении. Спустя три минуты ночное небо над Москвой украсилось множеством разноцветных надписей.

«Чип Асгард – твой пропуск в настоящую жизнь!»

«Выбери ВИН – и ВР у тебя в кармане!»

И, наконец, «Голосуй за Салмакова. Не пожалеешь!».

Августин отошел от окна. Реклама ВИН действовала ему на нервы. Какова бы ни была эта компания – хороша или дурна – и каковы бы ни были киберсистемы для ВР, ею производимые, это не имело решительно никакого значения.

– Задолбали своей рекламой, честное слово, – вздохнул Августин и занял свое кресло. – Бездарнее слоганов, чем у них, я в жизни своей не видел.

– А Салмаков этот вообще скотина, – отозвался Сергей, подливая себе тоника. – Его как-то над нами начальствовать едва не поставили. То-то был бы номер! Но мы выдвинули ультиматум. Или мы остаемся на службе, или – Салмаков начальник. Это еще года три назад было. А теперь вот вся страна узнает, что он за дятел. Если проголосует, конечно.

Августин осушил свой стакан и посмотрел в окно. Все новые и новые надписи плыли в вечернем небе. Ни луны, ни звезд не было видно – сплошная мертвенно-голубая и зелено-розовая засветка. Где уж небесным светилам тягаться с рекламой ВИН!

– Кстати, что это за чипы Асгард такие? Ну, которые все время рекламят? – спросил Сергей.

Августин понял, что настал его час отличиться. Он знал о проекте «Асгард» не так много, как ему хотелось, но вполне достаточно, чтобы впечатлить Сергея.

– Это очень просто, – начал он, заметно оживившись. – Существует базовый слой ВР, называемый Митгардом. Это всем известно. Существует искаленный слой ВР, который зовется Утгардом. А есть еще один, новейший, созданный спецами ВИН. Пока что доступ в него закрыт. Он называется Асгардом. Но попасть в него, нацепив обыкновенную «крышу», то есть такую установку, с какой ты обычноходишь в ВР через капсулу входа, нельзя. Этого маловато для Асгарда. Для него нужна особая прилада, которую специально для такого случая клепают компания ВИН. Она-то и называется «чип Асгард», ее сейчас и рекламируют. И на этот чип, между прочим, у ВИН абсолютная монополия.

– Дорогая прилада небось? – поинтересовался Сергей.

– А ты думал! – воскликнул Августин. – Но, поверь, найдется немало тех, кто снимет последние штаны, чтобы наскрести на нее бабок.

Августин, конечно, умолчал о том, что он и сам не прочь приобрести чип Асгард. Уж очень хотелось ему узнать, что за чудеса ждут бравого йомена там, в неведомых землях нового слоя ВР.

– И где эту радость продают?

– Пока – нигде.

– Ага, точно, нигде. – кое-что вспомнив, кивнул Сергей. – Но продажа начнется совсем скоро, послезавтра утром, за день до выборов. Чипы сегодня привезли в Москву, я мельком по телевизору видел. И это как-то странно. За день до выборов ВИН выбрасывает на рынок новый товар. К выборам ВИН подготовила еще одну тухлую «новинку» – своего ставленника Салмакова. Бесноватого патриота ВР. Кумира «синих галстуков». Мужика без руля и без ветрил. Не много ли будет для двух июньских дней?

Августин пожал плечами. Может, и много. Но какое ему дело до всей этой политики, когда в Утгарде обнаружился неведомый райский остров, а он даже не может туда пролезть, потому что его сегодня убили на три месяца? Есть, конечно, один вариант... Августин решительно поставил стакан на стеклянную столешницу.

– Послушай, Серега. Ты извини, что меняю тему, но... В общем, у меня возникла одна серьезная проблема...

– Наехал кто-то? – с пониманием осведомился Сергей.

– Да, наехал и убил. На три месяца. Долго рассказывать, да это, в общем-то, и не важно. Короче, ты, как перуновец, сталкивался, наверное, со всякими там изготовителями «форсажей»... Ведь сталкивался же, да?

Сергей с прищуром поглядел на Августина.

– Ну, браток... Вообще-то сам я по такой мелочи не работаю, но когда-то говорил с ребятами. Самый большой умелец среди подпольщиков – некто Хмырь. Его несколько раз собирались брать, но всякий раз начальство тянуло – дескать, улики успеет уничтожить, гад, и что-то там еще такое, точно не помню. В миру Хмырь – диджей увеселительного заведения «Сладкая Ж» с какой-то отпетой погрехомой. Не то Ляшка, не то Ляжка.

8

Приятно иметь в подчинении толкового полковника. Это знает любой генерал.

В особенности же приятно, когда этот полковник весьма недурен собой. Когда его волосы уложены волосок к волоску, запястья тонки, бюст упруг, а походка – изящна. Одним словом, приятно иметь в своем подчинении красивую женщину. А генерал Воронов был мужчиной в том самом возрасте, когда третья жена успеет осточертеть окончательно, в то время как на покой еще в общем-то рано.

– Если я не ошибаюсь, вам не повезло сегодня... – начал генерал Воронов, когда его изящный полковник присела на край кресла.

– Да, меня убили до смерти, – обреченно согласилась полковник Шельнова. – Коп-киллер Локи, если вам знакомо это имя, вышиб из меня все кредиты до последнего.

– Не расстраивайтесь, милая. – Мягкие интонации Воронова были хорошо знакомы Шельновой. Они не говорили ровным счетом ни о чем. Просто у генерала Воронова был такой стиль вести разговоры. «Мягко стелет, да жестко спать», – приговаривали его порученцы, и Шельнова была с ними полностью согласна. Впрочем, спать с Вороновым она не собиралась.

– Да я и не расстраиваюсь, – ответила Шельнова с наигранным безразличием.

– Ведь то, что вас убили, вовсе не означает, что сетевая полиция не нуждается более в ваших услугах. Как раз напротив. Я вызвал вас не только затем, чтобы выразить вам свои соболезнования. Вы полковник, а значит, обязаны выполнять задания России. И кроме того, у меня есть чем вас утешить. Но об этом – после.

Полковник Шельнова была собрана, холодна, деловита. Будь она иной, буксовать ей по сей день в капитанах. Но ее деловая хватка была известна всему Сетевому отделу ДБ. На нее надеялись. На нее рассчитывали. И даже провал операции по отлову Локи ничего не значил рядом с блистательными успехами предыдущих заданий.

– Я внимательно слушаю.

– Вы умеете держать свои чувства в руках, – заметил Воронов. – За это я ценю вас.

Он сделал паузу, которая должна была означать, что прелюдия окончена.

– Мы получили сведения, что завтра в одном из закрытых кластеров ВР состоится сходка трех сетевых преступников. Все трое – коп-киллеры, все трое входят в ВР незаконно. Они давно находятся под наблюдением сетевой полиции. Нам до сих пор не удается выяснить, кем являются преступники в реальной жизни, но мы знаем, что по каким-то причинам они не желают встречаться друг с другом здесь, в «твердой» реальности, предпочитая ВР. То, о чем они будут говорить на своей сходке, представляет огромный интерес для ДБ и, в частности, для моей темы. Оттого я назначаю вас ответственной за проведение операции «Банкет». Для вас эта операция будет состоять в следующем. Вы войдете в ВР через нестандартную капсулу в нестандартном месте. Дело в том, что вышеупомянутая сходка будет проходить в Утгарде, в так называемой Зоне Стабильности, куда, как вы сами понимаете, не так легко попасть. Войдя в Зону Стабильности, вы займете удобную наблюдательную позицию, которую вам предстоит отыскать самостоятельно. Разумеется, объекты не должны будут догадываться о вашем присутствии, что бы ни происходило. Вы полностью зафиксируете разговор. Содержание разговора вы доложите лично мне. Все.

Пока генерал Воронов с присущей ему обстоятельностью излагал детали операции, полковник Шельнова кивала головой. Все было понятно, кроме...

– Классы аватаров преступников известны?

– Безусловно. Известен даже один морф. Первый преступник – аватар класса Агасфер. Морф «Пантера». Метаморфозность пониженная.

– Как-то маловато для коп-киллера, – заметила Шельнова.

Генерал Воронов сделал вид, что пропустил мимо ушей замечание полковника.

– Второй – аватар класса Джирджис. Это и будет Локи. Вы его видели и, надеюсь, теперь уразумели, с кем имеете дело. А насчет третьего нам известно крайне мало. Скорее всего, он тоже будет в аватаре класса Джирджис. Или, по крайней мере, Гильгамеш. Впрочем, этот третий – персона, так сказать, сослагательная. Его может и не быть.

– Когда можно будет приступать к заданию?

– Завтра рано утром за вами заедет спецтранспорт и отвезет вас на место.

– Хорошо. – Шельнова послушно кивнула. – Остается самый важный вопрос. Знаете ли вы, Анатолий Андреевич, что задуманная вами операция полностью противозаконна? –

Она скрестила руки на груди и бросила на Воронова уверенный, жесткий взгляд. – Во-первых, несанкционированный доступ в ВР. Грубое нарушение Конституции ВР, параграфа второго. Далее. Шпионаж в ВР с намерением использовать полученную информацию для ущемления прав и свобод граждан. Снова нарушение Конституции ВР, параграфа шестого, пункта третьего. А кроме того, и законов Российской Федерации. Далее. Вход в ВР с нестандартных пользовательских капсул. Я думаю, не стоит продолжать...

Но генерал Воронов ничуть не смутился. Во-первых, нарушение российских законов ему было не в диковинку. Не говоря уже о сочиненной европейскими мечтателями Конституции ВР, которую он ни во что не ставил. И уж, конечно, не читал.

– Не стоит принимать законы близко к сердцу, дорогой мой полковник, – елейным голосом сообщил Воронов. – Противозаконно? Не-ет, я бы выразился иначе. Это задание не противозаконное. Оно специфическое. (Слово специфическое он произнес нараспев, смакуя каждую букву). А за специфические задания полагаются специфические вознаграждения. Я же говорил – мне есть чем вас утешить. Если вы выполните задание удовлетворительно, вы получите новый пропуск в ВР. Ваша смерть будет как бы отменена. И вы будете путешествовать по ВР столько, сколько вам заблагорассудится. Не думаю, что в этом случае вас смутит «противозаконность» подобного вознаграждения.

Шельнова знала цену своей неподкупности.

– Я согласна, – твердо сказала она после минутного молчания.

Глава 4

«Дилайт» – это значит «наслаждение»

1

– У этого пупсика сегодня праздник. Ты будешь юбилейным клиентом! – заявил гладко выбритый юноша с татуированным солнцем вокруг левого глаза и похлопал девицу по заднице. Та глупо улыбалась Августину, пошатываясь на двадцатисантиметровых каблуках.

– Тысячным, что ли?

– Ты чё?! Десятым!

– Что-то не верится.

Августин гадал о возрасте рекламируемого сутенером «пупсика». Пятнадцать? Двенадцать? Девять? Черт их разберет, этих лолит-акселераток. А вид все равно потасканный.

– Гарантия, десятым! Я тебе говорю – считай, целка, – шепотом добавил юноша, подмигнув татуированным глазом. – Элитная.

– Ну хорошо, я верю. Но все равно – мне не подходит, – миролюбиво сказал Августин.

– Голубой?

– Не-а.

– Трансвестай?

– Мимо. Просто мне нравятся женщины с опытом. И вообще – я тут по делу. Мне нужен диджей Ляшка. Он же Хмырь.

Вместо ответа Августин получил в челюсть. Это было настолько неожиданно, что он даже не успел закрыться. Стоишь вот так, беседуешь о вкусах с приличной на вид парочкой, ну почти папа и дочка – пусть даже и сутенер с проституткой, – а потом вдруг, ни с того ни с сего...

Но ударить во второй раз сутенеру с татуировкой не случилось.

Августин, не думая о приличиях, нанес ему удар в пах. Именно так йомены Его Величества короля Англии справляются со всякими козлами.

Не успев оценить ни глубину подлости, ни быстроту реакции своего визави, сутенер скрючился и, охая, повалился на серебристый пластиковый пол. Августин добавил по ребрам. Не сильно, а так, для остротки. Чего это он лезет, козел?

Мгновенно сориентировавшись в происходящем, несовершеннолетняя красотка подскочила к Августину со спины. Она захватила шею своего несостоявшегося юбилейного партнера струной святого Жануария, выказав при этом недевичью силу.

Холодная сталь струны врезалась Августину в горло. Он судорожно вдохнул. Одновременно с этим появилась боль. «Вот это номер – сдохнуть по причине того, что кому-то не хватает денег на дозряк, – подумал Августин. – Конец воистину бесславный!»

Эта мысль придала Августину сил.

Он восстановил равновесие и тут же присел на корточки. Резко отставив зад и захватив невымытые руки школьницы, Августин выгнул спину и тем самым склонил напавшую кралю к тривиальному акробатическому трюку. Перелетев через его голову, она, словно неопытный ковбой на родео, рухнула наземь.

С хрустом подломились каблуки девчонкиных туфель. Метнув в сторону Августина отчаянный взгляд, она уселась на попу... и расплакалась.

– Послушай, лапа ты моя элитная, в следующий раз, когда пойдешь со своим папиком на разбой, – одевай кроссовки, – посоветовал Августин, спешно покидая место происшествия.

Он завернул за угол.

Граффити «Каннабис-Суперсекс», выполненные в форме затейливой стрелки, указывали ему путь. Еще один поворот, затем подняться по лестнице – и он на месте. Если, конечно, его не задержит еще пара-тройка юбилейных проституток.

Лишь спустя несколько минут до Августина дошло, отчего милая пара, пребывавшая в полуавтоматическом режиме ожидания случайного клиента, переменила настроение столь невыгодным для него и для себя образом. И «дозняк» тут был вовсе ни при чем.

Всему виной была, конечно же, алчность.

И проститутка, и ее патрон были осведомлены о том, что представляет собой диджей Ляшка. Они были в курсе, что за люди к Ляшке ходят, и понимали – зачем. Без внушительной суммы в гости к Хмырю не завернет ни один психически здоровый человек. И это они тоже знали.

Быть может, план обчистить карманы Августина родился у сутенера внезапно, в тот момент, когда «юбилейный клиент» упомянул Хмыря. А возможно, парочка давно и прочно облюбовала подступы к берлоге известного на всю Москву нелегала...

«В любом случае, лучше держать язык за зубами», – заключил Августин, переступая порог увеселительного заведения «Каннабис-Суперсекс».

Сие заведение, в свою очередь, плавно переходило в shell-out дискотеки «Сладкая Ж» (что, не исключено, подразумевало не только мягкую часть тела, но также и жизнь). Дискотека, состоящая из восьми танцевальных залов, перемежающихся барами и сотами запирающихся изнутри кабинок «для тех, кто хочет элитно отдохнуть», плавно вливалась в крытый сэйшн-бокс. Августин находился на самой окраине Веселого Квартала.

2

Полюби меня сейчас,
Такого неженатого,
А не то начну ругаться
Прямо сразу матом я.

Из динамика пели по-французски. Вольный перевод припева, на ходу сделанный скучающим Августином, отличался точностью, которую, к сожалению, некому было оценить. Как, впрочем, и саму красоту песенной мелодии.

Посетители бара были нечувствительны прекрасному.

Откровенно сказать, их можно было понять. Ведь «Каннабис-Суперсекс» был одним из немногих заведений, обладающих муниципальной лицензией на продажу и употребление в своих помещениях легких наркотиков (там, между делом, продавались и остальные, не такие легкие). А стоит ли платить за вход «конкретные» деньги, чтобы слушать дешевую французскую попсу?

Собственно, звучным словом «каннабис» всякие там Плинии да Горации именовали коноплю, как припомнил Августин из своих скромных познаний в латыни.

Разумеется, в «Каннабисе» стоял невообразимый конопляный штынь.

А также особый пряный запах коктейля «Дилайт», который вставлял почище освященного традициями каннабиса, да и к легким наркотикам никак не относился.

– Мне на полпальца «Дилайта плюс», – стараясь говорить как можно более развязно или, если угодно, естественно, попросил Августин. – И еще какой-нибудь сильной дури. Не очень дорогой. Но сильной. Я со вчера в дембеле... – пояснил Августин, облокотившись о барменскую стойку.

Бармен, тучный стриженный ежиком мужчина неопределенного возраста (не заглянув в паспорт, никто не мог бы точно определить двадцать пять ему или пятьдесят – как и у «элитной» проститутки-малолетки это было одним из последствий регулярного употребления «Дилайта»), бросил на Августина пронизательный взгляд. Стукач? Коп? Провокатор? Или все-таки честный дембель, которому страсть как охота помусорить деньгами, пока есть?

«Дембель-шмембель... Откуда же ты дембель, парниша? Из контрактников ВДВ? Из ДБ? Из Иностранного легиона? Откуда еще таких стариков выпускают?» – читалось во взгляде бармена.

– «Дилайт-плюс» не по нашей части. А вот что попро-ще – пожалуйста, – вежливо, но довольно холодно ответил бармен. «Сильную дурь» он вообще проигнорировал.

– Что ж, раз так, тогда содовой, – протянул Августин, притворяясь огорченным лопухом-провинциалом.

Бармен наполнил непроницаемо черный бокал и поставил его перед «дембелем».

– Ваш заказ, – язвительнодохнул он в самое ухо Августину, который беззастенчиво разглядывал присутствующих: полулежащих, полусидящих. Полуживых.

«Наверное, нужно знать некий пароль. Тогда тебя обслужат по высшему разряду», – вздохнул Августин.

По большому счету, Августину было нечего делать в баре «Каннабис-Суперсекс».

Траву он не курил. Чудеса синтетического мира сильнодействующих наркотиков тоже не привлекали его. Видал он чудеса и позабористей. Даже если бы бармен оказался более покладистым, Августин все равно приберет бы «сильную дурь» для Хмыря. Он наивно полагал, что Хмырь обрадуется подарку...

Августин зашел в бар, чтобы освоиться. Привыкнуть к атмосфере. Пообтесаться. Увы, он вновь недооценил уровень нервозности аборигенов Веселого Квартала...

Бармен, конечно же, сразу признал в нем чужака. Возможно, чужака, представляющего опасность. А чужакам не подают ни «Дилайта плюс», ни «Дилайта минус». С чужаками принято «разбираться».

В Веселом Квартале Августин и в самом деле был впервые. И если бы не последнее сетевое дежурство, он, вероятно, так и дожил бы до шестидесяти без веселья.

Августин не мог знать, что срок муниципальной лицензии на продажу разнообразной дури истек у «Каннабиса» еще неделю назад. А на продление у хозяина заведения не было денег – слишком уж он увлекался тараканьими бегами.

– Сеня, вот этот парень, кажется, провокатор. – Бармен указал пальцем в спину Августина, беззаботно попивающего газировку. – Трещит, что в дембеле. Только кто ему поверит?

Невероятно мускулистый охранник, чьи длинные, вьющиеся крупными кольцами волосы были выкрашены в платиновый блонд с серебристым отливом, понимающе кивнул.

– Только не здесь, так ребятам и скажи. – Бармен опасно покосился на гривастого киллера, чей имидж был беззастенчиво слизан с морфа «скандинавский викинг».

– Брось психовать. Подумаешь. Разберемся. Не в первый раз, – успокоил его длинноволосый. Он глядел на своего нового «клиента» – Августина – с профессиональным прищуром опытного ловца человеков.

Джинсы цвета серый индиго, потертые. Тонкие теннисные туфли, уже стоптанные. Трикотажный кардиган. Все, как и положено, стиля унисекс. Обыкновенная короткая стрижка.

И все-таки не совсем обыкновенная. Викинг присмотрелся. Нет, не обыкновенная! Сзади парикмахер оставил затейливую длинную прядь, заплетенную в косичку. Пожалуй, у полкового цирюльника на такое не хватило бы фантазии. «Нет. Не военный», – охранник покачал головой...

Итак, Августину не нужен был цветастый «Дилайт» с пряным запахом.

Ему нужна была маскировка. Аксессуары. Высокий узкий стакан из черного стекла из «Каннабис-Суперсекса», в каких обычно продают «Дилайт», был, с точки зрения Августина, таким же необходимым атрибутом гуляки, как каблуки и мини-юбка для проститутки. И не важно, что в стакане газировка, главное – стиль!

Кто же мог знать, что даже содовой достаточно, чтобы влипнуть в очередную историю?

* * *

– Эй, парень! Тебя спрашивает бармен!

Августин уже покидал бар, шаркая по длинному извилистому коридору. Бокал он прихватил с собой – правила заведения позволяли шляться с посудой где угодно. Когда прямо перед ним вырос охранник с выбеленной шевелюрой, он не испугался и не удивился.

– А что там, у бармена? – осведомился Августин, делая удивленное лицо и одновременно прихлебывая из бокала.

Если бы на затылке у Августина имелась еще одна пара глаз, он смог бы увидеть, как из служебной двери за его спиной появились еще двое обнаженных по пояс мордovorотов.

– Сдается мне, ты не заплатил, – сказал охранник, плотоядно кусая зубочистку.

Когда охранник опер о стену свою до омерзения перекачанную руку, напоминавшую сегмент говяжьей туши, с которого ободрана шкура, Августин сообразил, что новой драки ему не миновать.

Его правая рука незаметно скользнула в карман стильного трикотажного кардигана, где специально для такого случая была припасена пилочка для ногтей. Не совсем обычная пилочка.

Августин не был идиотом – он не льстил себе надеждой одолеть в честном поединке трех дюжих охранников, зарабатывающих себе на хлеб с маргарином мелкими экзекуциями и прикладной педерастией.

Он понимал, что узкий коридор на то и узкий коридор, чтобы бежать было некуда.

И он слышал – за спиной дышат еще двое гадов, дожидаясь, когда их волосатый бригадир начнет расправу и прольется первая кровь.

Трое на одного – легкий перебор. В такой ситуации действовать нужно отчаянно и бесшабашно.

– А знаешь, почему я не заплатил за содовую? – рассеянно, почти робко начал Августин, сверля взглядом мутные глаза викинга.

К слову, Августин прекрасно помнил, как платил – даже чаевых мудаку не пожалел. Впрочем, это прекрасно помнили и бармен, и викинг, и его рослые коллеги.

Пока охранник соображал, что сострить в ответ, Августин вложил отточенную псевдопилочку из сверхпрочного титанового сплава между пальцев. Его ладонь неспешно выскользнула из кармана наружу. Обыкновенная ладонь, вот только один смертоносный титановый коготь.

– Денег не было, что ли? – лениво предположил охранник, полностью уверенный в собственном превосходстве. Равно как и в том, что сумеет достать выкидушку гораздо быстрее, чем липовый дембель из Департамента Лицензирования сумеет сообразить, что происходит.

– Я не заплатил, потому что не люблю когда такие дегенераты, как ты, царапают своими вонючими граблями мою кредитную карточку!

Псевдопилочка врезалась в шейную артерию охранника. Викинг взвыл и схватился за горло обеими руками. Одновременно с этим Августин запустил бокал в лицо одному из стоящих сзади.

– Ваш заказ, ребята! – заорал он, бросаясь со всех ног вперед, к спасительной двери туалетной комнаты.

3

– Что там у нас в далекой России? – поэтически заломив бровь, спросил у вошедшего брюнета Мак-Интайр.

На пушистом персидском ковре его цюрихского кабинета топтался куратор контактной службы Интерпола Джон Павлиашвили, известный своей стеснительностью.

– ВИН доставила первую партию чипов обратной связи в Москву.

Этого сообщения Мак-Интайр ждал не первый месяц. Днем, когда он через «Аргус-18» наблюдал за движением фургонов «Изюбр», когда в кадре появилась ракета, выпущенная неизвестным конкурентом Интерпола, он, Мак-Интайр, молился своим древним ирландским богам, чтобы они защитили бесценный груз ВИН от непрошеной гостьи. И они спасли бесценный груз. Спасли для того, чтобы он, Мак-Интайр, получил возможность сокрушить могущество ВИН собственноручно.

– Во время транспортировки чипов, – продолжал Павлиашвили, – на фургоны было совершено нападение. Оно было успешно отражено средствами самозащиты фургонов. Российский Департамент Безопасности во время конфликта сохранял нейтралитет. Как всегда, отделились наблюдением с патрульно-базового самолета типа...

– ... типа «Стрибог», кухулиновы псы! – нетерпеливо перебил Мак-Интайр. – Подробная информация о конфликте получена?

– Пока что нет. Известно только, что со стороны компании были применены ракеты с головной частью типа «Молот».

Мак-Интайр присвистнул. «Джина ошиблась. Московские мальчики круче, чем можно судить по нашим интерактивным сериалам о русской мафии».

– Вся эту сногшибательную информацию вы, конечно, вычитали в вечернем выпуске «Аргументов и фактов»?

Павлиашвили скромно потупился.

– Разумеется, сэр. Половина московской прессы пляшет под дудку Салмаксова. Они не преминули наводнить первые полосы негодованием по поводу очередных происков террористов, направленных против благодеей компании ВИН. А заодно припомнили, что добро должно быть с кулаками. И с «Молотами».

– И это правильно, – саркастически ухмыльнулся Мак-Интайр. – Итак, чипы в Москве. Это означает, что большое шоу ВИН намечено на понедельник?

– Да, сэр. Щюро решил не ждать до шестого июля.

– Так.

«Теперь ждать больше нечего. Все решится послезавтра», – сердце Мак-Интайра трижды бухнуло невпопад, мимо наработанного спецподготовкой неторопливого ритма. Главное он уже услышал. Оставались мелочи.

– Что в «Алмазном кубе»? – спросил он для проформы.

– Агент Борис по-прежнему молчит. Наши попытки повторно войти с ним в контакт пока не увенчались успехом. Агент Хоуп: новый пакет информации. Подробности устройства Главного Корпуса, охранного периметра и так далее. Агент Сильва – кое-какие уточнения по поводу чипов обратной связи и уровня «Асгард». Очень профессиональное сообщение. Им сейчас занимаются аналитики. И наконец, наш политический эксперт в Москве Виктор представил некоторые небезынтересные факты по поводу личности Салмаксова. Все отлично стыкуется с мнением независимой экспертной группы в Тегеране.

– Скажите, Павлиашвили, отчего вас зовут Джонни Певунчик? – невпопад спросил Мак-Интайр.

Джон Павлиашвили зарделся.

– Не знаю, сэр. То есть знаю, сэр. То есть предполагаю следующее. У меня жена в Ласкала, она... примадонна. Сегодня вот Флорию Тоску исполняет...

4

Дверь с двумя нулями впустила Августина внутрь и захлопнулась прямо перед носом преследователей.

Несмотря на изобилие в «Каннабис-Суперсексе» специальных кабинетов со сносными кушетками, любители заниматься любовью в туалетных комнатах не переводились.

Для таких понимающие хозяева «Каннабиса» врезали в дверь туалета замок, который запирался изнутри. Августин не был любителем сортирной эротики, но замком щелкнул с нескрываемым наслаждением. Снаружи в дверь неистово колотили его новые друзья, сопро-вождая свои действия отборным матом.

– Да ты, пацан, в дерьме по уши! – на ходу застегивая ширинку и пошатываясь, прямо на Августина из кабинки вышел престарелый драгстер с фиолетовыми кругами вокруг глаз.

Августин пожал плечами – мол, сам вижу. Сердитые парни ломались в дверь что было дури. Было очевидно – если они продолжают в том же духе, замка надолго не хватит.

«А когда эти мясные избушки ворвутся внутрь, меня можно будет считать покойником. Окончательное, так сказать, УС», – подумал Августин.

– Слушай, а ты можешь сказать им, что я уплыл? – шепотом спросил он у драгстера, меланхолично теребящего пуговицы на ширинке.

– Могу, – сразу согласился тот, усаживаясь на корточки возле рукомойника. – А куда уплыл-то?

– Скажи, что нырнул вот в этот унитаз и уплыл в канализацию.

Престарелому наркоману такая версия странной не показалась. Он сам не раз плавал по канализации. Под «Дилайтом плюс». И под «Звонким Сиянием». Там у них, в канализации, много интересного – большие радужные рыбы, и всякие слюдяные цветы, и мохеровые водоросли, и обалденные русалки... Он облокотился о кафельную стену, закрыл глаза и предался воспоминаниям.

– Эй, папаша! – Августину показалось, что драгстер тихо отходит.

– Чего? – встрепенулся «папаша». – Все путем! Уплыл так уплыл!

Августин спрятался в ближайшую к двери кабинку. Долго ждать не пришлось. Спустя минуту дверь рухнула. Двое с крупнокалиберными пистолетами ворвались внутрь.

– Он уплыл, ребята. Вон туда нырнул – и спокойно себе... это самое... – вяло доложил драгстер и снова отключился.

Ребята, не чуя подвоха, заскочили в самую дальнюю кабинку, на которую указал им добровольный помощник. В то время, как Августин пулей выскочил из своего укрытия – первой по счету кабинки – юркнул в дверь и выбежал наружу.

«Жаль, что не получилось сказать мужику спасибо», – подумал Августин, переводя дыхание на краю небольшого танцевального зала самого стильного из московских вертепов под названием «Сладкая Ж».

Августин нырнул в самую гущу предающейся динамической медитации толпы и, пританцовывая, побрел к выходу в следующий зал.

Когда его в пятый раз «совершенно случайно» пнули локтем в бок соседи по танцполу, в голову Августину забрела простая истина: будучи чужаком не выхватить по роже в Веселом Квартале просто невозможно.

И от осознания этого Августину стало немного легче.

Нет, что ни говори, а два стероидных страшилища со снятыми с предохранителей пистолетами сильно взвинтили Августину нервы.

«Это же не ВР! Они чего, все рехнулись? Да и вообще, не многовато ли стволов на сегодня?»

Августин еще не догадывался, что стволы только начинаются.

– У пульта номер раз диджей Петрусь, мое бессловесное стадо! – сверхчеловеческий реверберирующий голос прорезал потный воздух танцзала, когда музыка притихла.

Бессловесное стадо отозвалось своему пастуху Петрусю дружным мычанием. Вновь вступила музыка.

Но, невзирая на тычки и шипение, Августин настойчиво пробирался к своей цели через дрыгающийся и извивающийся океан тел – мужских, женских, детских или хрен их вообще разберешь, каких.

– Эй, клешни убери, а? Срань безбашенная! – зашипела ему в спину девушка в прозрачном целлулоидном платье.

«Я посмотрел бы на тебя, голопузая, если бы за тобой двое с волынами бегали», – философски заметил про себя Августин, преодолевая последние сантиметры, отделяющие его от входа в соседний танцзал.

– С вами варится-парится диджей Антициклон! Тишина режет ухо, морковочки!

Находящиеся в зале выразили свою симпатию к диджею Антициклону громкими криками и свистом. Мужскими криками и залиvistым мужским свистом.

Что было странно, ведь подавляющее большинство присутствующих представлялись женщинами. Или были одеты, как женщины. Вот именно – одеты! Августин был так обессилен плаваньем в людском океане, что не сразу сообразил: он очутился в зале, оккупированном трансвеститами.

– Перед порядочным расколбасом надо децл расслабиться! – философствовал Антициклон.

И «морковочки» делали вид, что расслабляются – некоторые даже завалились на пол, прямо так, в своих роскошных, расшитых стразами нарядах. Приходилось через них переступать...

Августин покидал «расслабившийся» зал с легким сердцем – он уже почти забыл о своих вооруженных преследователях. В самом деле, ведь маршрутов через танцевальную планету, зовущуюся Веселым Кварталом, можно было проложить десятки. Пойди угадай – какой из них выбрал Августин?

Тем временем близилась полночь, а Августин по-прежнему понятия не имел, где ему искать Хмыря.

– Па-а-аслушай, а-абалденный, – раздался слащавый мужской (пожалуй, мужской – заключил Августин) голос над его ухом, – не западает ли твоя просвещенная мысль на добрый драг?

Августин оглянулся. За его спиной, покачиваясь в такт музыке, которая доносилась из тысячеваттного нойз-комбайна Антициклона, ухмылялся какой-то долговязый «кренделек». На нем был парик цвета «зеленый электрик», платье из свободно висящих золотистых нитей и ультрамодные шариковые туфли.

– Моя просвещенная мысль западает не на всяк добрый драг, – отвечал Августин, стараясь кривляться как можно естественнее. – Я, кренделек, люблю марку.

«Кренделек» посмотрел на Августина с нескрываемым уважением.

– Говори, – томно выдохнул он, обдавая Августина целым букетом запахов. Августин смог без труда различить экзальтированные итальянские духи «Rogazzo» (ими иногда поль-

зовалась Ксюша), бомбейский джин и плохо переваренный прокуренными легкими «кренделька» косячок с мадагаскарской травкой.

– Мне нужна марка от Хмыря. От Ляшки. Или Ляжки, – брякнул Августин наудачу.

Его авторитет в глазах собеседника достиг наивысшей точки.

– Десятка, и он в твоих лапках-царапках.

Августин, не раздумывая, сунул в бюстгальтер «кренделька» хрустящую банкноту.

– Дверка за углом в конце этого коридора. Написано «Не влезай, убьет», – пропел «кренделек» и был таков.

5

Дверь была не заперта и, издав протяжный скрип, с готовностью отворилась.

За ней оказался небольшой тамбур и вторая дверь, посолиднее, над которой горела тусклая красная лампа в ржавом решетчатом кожухе.

Августин переступил порог и подошел ко второй двери. Первая совершенно бесшумно закрылась за его спиной.

Почувствовав движение воздуха, Августин обернулся и понял, что попал в примитивную западню. «Открываемся, значит, со скрипом, а закрываемся тихонько», – нервно подумал он и, махнув на все рукой, дернул за округлую хромированную ручку второй двери.

Эта, конечно, оказалась запертой. В толще стены раздался какой-то утробный кашель, перешедший в сонный хрип. Наконец мрачноватый голос спросил:

– Ты надпись на двери читал?

– Читал, – ответил Августин, ища глазами источник звука.

– Веришь, что убьет?

– Верю, – нетерпеливо ответил Августин.

– Тогда заходи.

«Ё-моё, – пробормотал Августин, – играют тут в командный пункт НОРАД, точно дети малые». На самом же деле его нервы были на пределе. В Веселом Квартале оказалось чересчур весело.

Щелкнул автоматический замок, и дверь тихо отошла в сторону, открывая взгляду Августина просторное и очень грязное помещение.

На потолке горел длинный ряд неоновых ламп. Под ногами шуршали обрывки старых афиш. На одном из них Августин прочел «DJ», на другом – «Lyashka».

Поперек комнаты до самого потолка громоздились стойки старой виртуальной станции «IBM-Dreamloader».

У стены стояла обитая вельветом кушетка с несколькими отчетливыми подпалинами от бычков.

В дальнем углу тревожно сияли первозданной чистотой шикарный розовый унитаз, биде и опрокинутая набок душевая кабина. Новенькая сантехника составляла разительный контраст с интерьером комнаты и наводила на странные мысли. «Может, у Ляшки хобби такое, перед сном унитаз зубной щеткой драить», – подумал Августин и посмотрел себе под ноги. Что ж, скомканные пачки из-под сигарет и презервативов, «битые» инфокристаллы, мятое белье унисекс и шприц, гордо воткнутый прямо в располовиненный арбуз, что лежал посреди комнаты, дополняли живописную картину.

– Заложил на сроч и топай сюда, – пригласил голос из-за консоли.

Августин не стал спорить. Он покорно обогнул консоль и... увидел то, чего совершенно не ожидал увидеть.

Во-первых, там было на удивление чисто. Ни тебе синтетического мусора, ни примет морального разложения.

Во-вторых, сам диджей Lyashka был похож скорее на интеллектуального студента-анархиста, нежели на записного наркодьявола, извращенца и садомазохиста со страниц бюргерского журнальчика «Красавица и умница», где в особом разделе «Правда жизни» дамочек потчуют оной, не скупясь на черную краску.

На нем была серая водолазка и едва потертые для солидности брезентовые штаны с огромными накладными карманами из набивного ситца – последний писк клубной моды.

Вместо апельсиново-желтого парика или четырех кельтских кос его голову украшал короткий серебристый ежик с двумя аккуратными флюоресцирующими аквамаринном полосами. Да, пресловутый Хмырь оказался седым. Или крашеным под седину – в этом не то что Августин, сам черт не разобрался бы.

Хмырь сидел во вращающемся кожаном кресле. Его взгляд скрывали от Августина очень старые, начала века ВР-очки с выносным микрофоном и прикрученной к ним с помощью липкой ленты небольшой видеокамерой.

Сейчас радужный объектив видеокамеры был направлен прямо в лицо Августину. А на столе рядом с Хмырем стоял... Августин едва не разрыдался от умиления... Стоял архаический электронный компьютер. Да, точно, Duo Teragertz выпуска 2011 года!

– Садись, – сказал Хмырь, радушным хозяйским жестом указывая на сверкающий чистой пол под ногами Августина.

– Благодарю, – кивнул тот и, прекрасно понимая, что правила игры здесь диктует отнюдь не он, сел на пол, скрестив ноги по-турецки.

– Одно из двух, – сообщил Хмырь, пристально разглядывая Августина при помощи видеокамеры. – Либо ты не легавый, либо ты умный легавый. Но умных легавых не бывает и, следовательно, ты – не легавый.

Августин догадался, что видеокамера Хмыря работает по меньшей мере в трех диапазонах – оптическом, инфракрасном и рентгеновском – и всех своих гостей Хмырь буквально насквозь видит. Не исключено также, что в ней находится устройство дистанционного сканирования бета-ритмов мозга и, таким образом, прилада Хмыря является заодно и детектором лжи.

Короче говоря, врать не стоило. Хмырь производил впечатление человека, который способен три часа рассуждать о преимуществах тонического стихосложения перед силлабическим, а потом выпустить своему собеседнику кишки с помощью «Унимага». С такими лучше быть правдивым.

– Ты почти угадал, – кивнул Августин. – Я либо легавый, либо не легавый. Все зависит от того, кем считать сетевого полицейского.

Хмырь хохотнул.

– Ты – сетевой полицейский?! И на что ты надеешься после этого?

– На то, что ты не опозоришь честное имя своей конторы и толкнешь мне добрый «форсаж» Джирджиса с хорошими хаками.

Хмырь посерьезнел.

– «Форсаж» Джирджиса... С хорошими хаками...

Камера испытующе впиалась в переносицу Августина. «Всем, всем нравится хороший антропос Августин и все жаждут узнать, что у него внутри», – подумал он, изо всех сил стараясь не отвести взгляда. Эх, трудно оставаться спокойным, ожидая в любой момент поймать пулю в грудь или лазерный луч в затылок.

– Скажи лучше, – заговорил наконец Хмырь, – за каким хреном все вы лезете в Утгард? Проницательность Хмыря не удивляла. Удивляло другое.

– А кто еще лезет в Утгард?

– Ну это за сугубо дополнительную.

– Пятьдесят, – брякнул Августин наобум.

– Давай, – неожиданно легко согласился Хмырь.

Хмырь принял от Августина деньги и с чарующей легкостью ударил по клавиатуре своего «Терагерца». Пискнул принтер, и в руках Августина оказалась терпко пахнущая распечатка фотографии человека, сидящего на полу в той же позе, что и он сам, Августин. Ну да, понятно. Зря у него, что ли, видеокамера? Он заодно и базу данных клиентов ведет.

Складывая листок вчетверо и засовывая его в карман, Августин для проформы спросил:

– И давно он заходил?

– Да минут за двадцать до тебя, – пожав плечами, ответил Хмырь. – Но, как говорится, ближе к телу. Есть тут один изысканный «форсаж». Делал для доброго друга. Друга больше нет, а вот «форсаж» остался. Штука.

– Штука? – присвистнул Августин.

У него не было с собой даже двух сотен, но такие тонкости детектор лжи не ловит.

– Она, родимая, – раздраженно подтвердил Хмырь. – Если будешь брать, полтинник скину. На такси. И – краями.

– А откуда мне знать, что это рабочий «форсаж», а не кусок гипсовой блевотины? – тянул время Августин.

– Ты теперь знаешь как меня найти, – пожал плечами Хмырь. – Зачем мне лишние проблемы?

– Покажи, – потребовал Августин.

– Покажу. Только сперва сдай мне свою уродскую пилочку с остатками кровянки. Только не говори, что порезался, когда ногти подпиливал. У тебя группа крови другая.

Да, камера была рентгеновская. И инфракрасная. И черт знает еще какая. С встроенным гемоанализатором, что ли?

Хмырь получил пилочку, которую небрежно бросил на стол, а Августин – заветный металлический цилиндр размером с одноразовый стаканчик.

Открутив крышку, он увидел внутри нечто, похожее на развитой кустистый коралл – стандартный блок виртуальной станции. Все то, что превращает человека в напичканного автоматическими пушками киборга или в бесплотный дух, владеющий магиями трех ступеней, у этого скромного на вид коралла находилось внутри. Так запросто его, разумеется, не увидишь.

– Послушай, Хмырь, я что-то не соображу... У тебя в какую сторону пробор-то? В левую или в правую?

– Чего? – Хмырь инстинктивно дотронулся до макушки.

Августин, за секунду до этого превратившийся в сжатую пружину, выпрыгнул вперед и вверх из такого положения, из которого приличному человеку даже не встать. Впрочем, на то, чтобы не путаться в собственных ногах, Августин потратил не один час своего свободного времени...

Охранная система Хмыря работала неплохо. Но все-таки лазерный луч ударил по пустому месту и, отразившись от специального защитного покрытия – вот почему пол был таким чистым, едва ли не полированным! – ушел в черную воронку улавливателя, на которую Августин уже давно кидал косые взгляды.

Сильный, на совесть поставленный Сергеем Гаспаровым удар Августина должен был выключить Хмыря часа на полтора-два. Но вместо теплой плоти диджейского горла его кулак встретил пустоту, под которой обнаружился лишь твердый металлический стержень каркаса.

Что-то мерзко хрустнуло, посыпались искры. Серая водолазка Хмыря потекла сполохами помех. Спустя секунду его тело растаяло как дым.

«С-сука!»

В опрокинутом кожаном кресле восседал ажурный каркас, снабженный виртуальными очками, двумя типовыми манипуляторами – они изображали руки – и речевым синтезатором.

Все остальное было голограммой. Очень хорошо исполненной в техническом отношении, но все же голограммой!

– Я привык заботиться о своей безопасности, – раздался за спиной Августина торжествующий голос. Поскольку никаких предупреждений вроде «не оборачиваться» не последовало, Августин обернулся. Страх получить пулю в затылок был сильнее страха получить пулю в лицо.

Голографический Хмырь не был виртуальной копией Хмыря настоящего. Скорее уж проекцией сладких грез последнего.

В пяти шагах от Августина стоял низенький урод, который не приснился бы редактору рубрики «Правда жизни» в его самом страшном кошмаре.

Левая половина лица Хмыря была обожжена или, точнее, сожрана каким-то экзотическим кожным заболеванием. Длинные засаленные волосы двумя равными крыльями спускались на его плечи. Глаза у Хмыря были маленькими, колючими, блудливыми. В общем, с такой внешностью самое умное – навеки переселиться в ВР.

Зато в левой руке Хмыря сверкал отличной сталью длинный ствол полицейского «смит-и-вессона». Самое надежное оружие всех времен и народов, не чета ультрамодным изыскам с пластиковыми гильзами или какой-нибудь жидкой гадостью вместо пороха...

В правой же руке Хмыря в лад его смертоубийственному оружию поблескивал металлический цилиндр. Такой же точно, в каком за минуту до этого ковырялся Августин в надежде полюбоваться «форсажем». За спиной Хмыря чернел темный прямоугольник потайного хода.

Хмырь ухмыльнулся, заметив тень отвращения, мелькнувшую на лице Августина.

– Да-да-да, дорогой мой покемон-спайдермен, шаолинь недорезанный. I am that I am³ – и другим не буду. А вот это – настоящий «форсаж», который ты получил бы, если бы вел дела как нормальный парень, а не как придурочный кидала. Я не жулик и не убийца. Но, дорогой мой, есть добро, и есть зло, и есть грань между ними. Ты переступил ее и теперь ты на стороне зла.

В разговорчивости Хмырь явно не уступал героям иных интерактивных сериалов. Августин почувствовал себя неуютно в «придурочных кидалах» (хотя для иронии у Хмыря были все основания). И попытался зацепиться за высокие материи:

– Воистину есть добро и есть зло. Но где найти им меру? – закатив глаза к потолку, пасторским голосом спросил он. – И где провести ту грань, о которой ты говоришь?

Хмырь по-крысиному хихикнул.

– Мне нет в том нужды, ибо я есть высшая мера всех вещей. И потому...

Августин понял, что диспут подходит к концу. Ситуация была патовой. Оставалось достойно встретить смерть.

Впрочем, что это значит – «достойно встретить смерть» – Августин не имел ни малейшего понятия. А потому он попросту опустил глаза – чтобы не отравлять последние мгновения своей жизни созерцанием Хмыря.

Глядя в пол, Августин принялся молиться. Молился он как умел – то бишь старательно воспроизводя молитву «Отче наш», заученную еще на школьных уроках «Закона Божьего», как можно ближе к оригиналу.

Однако на небесах быстро вняли неумелым августиновым молитвам.

Откуда-то сверху раздалось оглушительное шипение. Ровный прямоугольник потолка испарился быстрее, чем Августин успел сказать «аминь».

На пол между Августином и Хмырем приземлился человек в оперативной форме Черного Спецназа с автоматом «Мистраль» наперевес. И Хмырь, все же выстреливший в Августина, попал в спецназовца.

³ Дословно: «Я есть то что я есть» (англ.). В православной традиции принят перевод: «Я есмь Сущий» (Исход; 3:14).

Армированный бронезилет из полифертиловых волокон был рассчитан на многие пакости судьбы, но, увы, не на пулю из архаического «смит-и-вессона». Из груди бойца брызнула кровь и его тяжелая, обвешанная амуницией туша потеряла равновесие и завалилась на пол, увлекая туда же находящегося сзади Августина.

Из-под потолка прогрохотала длинная очередь «Мистраля».

Хмырь, разрезанный пулями пополам, упал, наводняя пространство вокруг своей гнилой кровью, хлеставшей одновременно из одиннадцати сквозных ранений. Вслед за товарищами в комнату спустился еще один спецназовец. Бросив суровый взгляд на убитого товарища, он замер, настороженно прислушиваясь.

Потом он подал условный знак, и в комнате появились еще двое.

6

Витасик и Семен, известные завсегдатаям клуба «Каннабис-Суперсекс» как Спец и Лапа, остановились перед дверью с надписью «Не влезай, убьет!».

– А Хмырь не обидится? – спросил Лапа с сомнением.

– Он еще спасибо скажет, – успокоил его Спец, выщелкивая обойму. Он уверился, что она полна, и вставил ее обратно.

– Тогда попрыгали, – сказал Лапа.

Они вошли в тамбур, Спец достал из-за пазухи плоскую коробочку с магнитной присоской и прилепил ее на дверь. На коробочке имелись сенсорные кнопки. Спец сделал умное лицо (то есть прищурился) и нажал кнопки в одной ему ведомой последовательности. Дверь бесшумно отворилась.

Первым, что увидел Спец, была голова Хмыря в луже крови. Вторым – склонившийся над диджеем-хакером человек в черной форме с автоматом «Мистраль». Он, по-видимому, шарил по карманам Хмыря, но убедиться в этом доподлинно мешала консоль компьютера. Спец высадил в него половину обоймы.

Комната взорвалась стрельбой. Лапа был убит сразу же, Спец прикрываясь его телом и уложил еще одного.

На семнадцатой секунде перестрелки восьмимиллиметровые пули «Мистраля», срикошетив от унитаза в углу, оторвали Спецу левую руку. Теряя сознание от адской боли, Лапа в последний раз нажал на спусковой крючок...

7

Августин прислушался. Было тихо, если не считать тихого журчания, которое доносилось откуда-то со стороны двери. Августин сбросил с себя тяжелое тело спецназовца и, с радостью отмечая, что его собственная одежда чудом осталась чистой, поднялся на ноги.

В берлоге Хмыря он обнаружил семь тел – возможно, среди них были и живые, но это его интересовало сейчас менее всего.

Кроме тел, в комнате имелись четыре автомата и три пистолета. После колебаний, которые длились не более секунды, Августин поднял «смит-и-вессон» Хмыря и сунул его себе за пояс.

В луже крови валялся заветный «форсаж». Августин поднял и его. Осторожно отер от крови и спрятал в карман.

Потом покосился на хмырев «Терагерц». Посетители, база данных...

Подобрав бесхозный «Мистраль», Августин снял с пояса одного из спецназовцев полный магазин и до последнего патрона высадил его в опрятную белизну системного блока.

Потом Августин направился к потайному ходу, из которого каких-то две минуты назад появился Хмырь, и нажал единственную кнопку, обнаруженную им на стене.

8

В лесу, окружающем водохранилище, на берегу которого располагался релаксационно-оздоровительный центр «Байкал», царила непроглядная тьма. Было тихо. Только изредка треснет веточка под чьей-то неосторожной ногой или по кронам деревьев проползет лиственный шепоток.

Но если бы над центром внезапно зажглось солнце, случайный путник, заблудившийся в полуночном лесу, мог бы наблюдать совершенно неожиданную, сюрреалистическую картину.

Лес был полон людей, мужчин и женщин, одетых в просторные одежды. Десятки, сотни людей. Босые ступни неслышно ступали по траве.

Лесные гости не боялись темноты, не боялись наткнуться на ствол дуба или оцарапать лицо о низкие ветви елей. Они двигались плавно, как призраки. И в их перемещениях, на первый взгляд хаотичных, угадывалась гармония некоторого высшего порядка. Они двигались словно бы в медленном, текучем, изменчивом танце, то высоко поднимая колени, то стелясь над самой землей ласковым морским бризом.

Этот сонный танец длился долго, пока вдруг не оказалось, что все, кто пришли в лес, собрались на краю большой поляны. И тогда в руках у людей появилось оружие.

Армия Хотоя продолжала учения.

Глава 5

Тринадцатый подвиг Геракла

1

Томас слишком долго сидел в машине и оттого потерял всякие остатки воспитанности. Августин резко затормозил возле коттеджа на окраине города. Не успела дверь открыться, как пес вырвался на свободу и принялся оглашать окрестности гулким лаем.

– Томас, тихо!

Но пес и не думал повиноваться. Он носился возле калитки и самовыражался, как мог.

– Сэр Томас, вашу мать! Заткнетесь вы наконец или нет?! – прикрикнул на него Августин, колдуя над панелью-привратником.

«Хозяйка не может принять вас», – пропело устройство приятным женским сопрано.

Выходит, Ксюши нет дома. В противном случае сообщение было бы другим: «Хозяйка отсутствует». И это как раз означало бы, что Ксюша на месте.

Все ксюшины штучки он знал как свои пять пальцев. Августин привстал на цыпочки и заглянул за ограду.

Свет не горит. «Где, интересно, она шатается по ночам?» – буркнул себе под нос Августин, закуривая.

Но не успел он спрятать зажигалку в карман, как на глаза его легли две ладони. По всему телу Августина пробежала легкая нервная дрожь. На лбу выступила предательская капелька пота. Совершенно неподконтрольная реакция! Августин мысленно выругался – ведь это были всего лишь прохладные Ксюшины ручки. Такие любимые, такие знакомые.

– По-моему, ты злоупотребляешь виртуальным насилием, дорогой мой Августин. Стал такой нервный! – Ксюша по-сестрински быстро чмокнула его в губы.

Откуда она взялась – Августин не понимал. Но сам факт ее появления был более чем отрадным.

«А сама-то ты чем злоупотребляешь, сладенькая моя?» – хотелось спросить Августина, пока они шли к крыльцу по усыпанной бледно-голубым гравием садовой дорожке. Но он сдержался.

Первая женщина Августина (конечно не по счету, а по статусу), эстетское существо из иного мира – мира элегантности и неги, любила духи с запахом гвоздики, настоящую итальянскую граппу и мазурки Шопена.

Большинство других, не стоивших особого упоминания женщин Августина, в своих пристрастиях колебались между шампанским, не выходящим из моды диско и дезодорантами, «дарящими ощущение свежести».

Итак, Ксюша любила граппу. И Августин поил ее граппой при каждом удобном случае.

Когда бутылка была опустошена наполовину, Августин понял, что затягивать застолье не следует, неровен час Ксюша просто заснет у него на плече, с мечтательной улыбкой на устах. Он непринужденно подошел к двери и затворил ее, оставив Томаса скучать в гостиной.

– Потанцуем? – спросил Августин, и Ксюша, уткнувшись в его шею своими мягкими губами, молча выразила свое согласие.

Все, что произошло дальше, напомнило Августину сумасшедшее свидание с пантерой – по крайней мере, на уровне ощущений сходство было разительным.

Теплая волна вождения лениво поднималась откуда-то снизу, от основания позвоночника, лишая Августина воли, планов и опасений. Мягкие, рассеянные прикосновения Ксюши захватывали его естество целиком, не оставляя места для цинизма, воспоминаний, слов «вчера» и «завтра». Ее рука неспешно поползла вниз и... и... забуксовала где-то на уровне гольфа.

– Ну ты прям как маленькая, – шепотом заметил Августин. Ксюша, сама робость, безуспешно трудилась над застежкой-акулой на его джинсах.

Августин помог нетрезвой девушке справиться с задачей.

– Вот видишь, все так просто...

Вместо ответа Ксюша заливисто расхохоталась тем ни с чем ни сравнимым хрустальным смехом, каким умеют смеяться только женщины, душу которых переполняет желание.

Не слишком спортивному Августину не составило большого труда взять легкую, без единой жирилки, Ксюшу на руки и, прислонив ее спину к кудлатой медвежьей шкуре, украшавшей стену, войти в нее так, как никогда, никогда, никогда не бывает в ВР. Под длинным струящимся ксюшиным платьем из лимонно-желтого синтетического шифона не было ничего, кроме прохладного тела, источавшего пряный аромат гвоздики.

Но и этого было вполне достаточно.

Августин закурил.

Кондиционеры отреагировали мгновенно, и вот уже невесть откуда взявшийся ветерок утащил первые клубы сигаретного дыма за решетку вентиляционного отверстия под потолком.

За дверью обиженно скулил Томас – он не любил, когда его исключали из приятного общества. Но ни Ксюша, ни Августин Томаса не слышали. Каждый был занят своими мыслями, своими ощущениями.

Ксюшино платье, ценой в половину банковского счета Августина, сытым лимонно-желтым питоном валялось на полу.

Августин глубоко затянулся, залюбовавшись модельным совершенством форм своей обнаженной подруги. А что – с таким телом тебя в любом модельном агентстве ждут с распростертыми объятиями! Не хочешь, Ксения? И правильно делаешь! Ну их к такой-то матери, сутенеров этих модельных!

Ксюша погладила его волосы и улыбнулась. В отличие от нее Августин был по-прежнему одет – трикотажный кардиган кое-как прикрывал грудь, одна штанина нелепо болталась на его ноге. На то, чтобы раздеться, у него как обычно времени не хватило.

– Послушай, солнышко... Вот ты никогда не жалеешь о том, что не можешь любить меня иначе?

– Это еще как? – игриво спросила Ксюша.

– Например, в аватаре тигрицы. Или пантеры. Это было бы просто непередаваемо! Неопишимо! Невообразимо! – Глаза Августина блестели.

– Сколько можно тебе повторять: ВР закрыта для меня навсегда! Я убита до смерти, причем давным-давно, – недовольно проворчала Ксюша. – Таким образом, твое предложение противоречит всем сетевым законам. И кому как не тебе должно быть об этом известно.

– Но ведь есть и другие способы, – не унимался Августин. – Некоторые инициативные люди не желают отказывать себе в виртуальных радостях даже после убийства!

– Как раз таких психов Салмаксов вербует в свою партию, – отмахнулась Ксюша.

– При чем тут Салмаксов? Они хотят, но не могут. Мы будем действовать по-другому. Мы будем хотеть и мочь! – Августин торжественно вскинул руку с сигаретой, как Статуя Свободы – факел.

И, понизив голос, продолжил:

– Сегодня я купил себе «форсаж». Это несложно и даже не очень дорого. Теперь я смогу повисить класс своего аватара и буду – ни много ни мало – Джирджисом! Так вот, если ты хочешь, я сделаю так, что ты сможешь входить в ВР вместе со мной. А потом...

– Потом – суп с котом, – рассмеялась Ксюша. – Я боюсь. И хотя мне безумно хочется познать тебя в аватаре тигрицы или, если угодно, Шемаханской царицы, я не могу на это пойти. Это очень нехорошо – говорила мне в детстве бабушка – нарушать законы, которые не ты придумал. И вообще, давай не будем о ВР, – жалобно попросила она. – Посмотри, ты весь вспотел.

Ее длинные пальцы скользнули под кардиган Августина. Пуговицы, одна за другой, стали высвобождаться из петелек и мокрая грудь Августина вдохнула кондиционированную прохладу. Вдруг пальцы Ксюши нащупали костяную бляшку с лодочкой. Августин встрепенулся.

– Ах да, рыбка моя, совсем забыл сказать тебе спасибо, – Августин скроил самую благодарную мину из всех, на которые был способен. – Это был сюрприз. Честное слово. Спасибо за подарок.

Ксюша смотрела на него в полном недоумении.

– Подарок? – переспросила она. Глаза ее были широко раскрыты. – Какой еще подарок?

Улыбка сползла с лица Августина. Конечно же, к появлению этой вещицы на его шее Ксюша не имеет никакого отношения. Это было бы слишком просто.

Августин, развалившись на низкой тахте, лениво курил, наблюдая за тем, как Ксюша стелет постель.

В большинстве жилищ это скучное, по мнению многих, дело уже давно было переложено на плечи обслуживающих установок типа «будуар», которые справлялись с простынями и подушками ловко, быстро и без сбоев. Но некоторым – и к их числу, безусловно, относилась Ксюша – нравилось стелить постель собственноручно.

Ксюша не была домохозяйкой-технократом, чокнувшейся на идее механизировать, компьютеризировать и автоматизировать все, до чего ты в состоянии дотянуться.

Ксюша была дизайнером.

По крайней мере, так она представилась Августину. Действительно, многое в ее доме намекало на занятия искусством. Объемный принтер. Трехмерные адекваты Гогена и Матисса. Обои а стиле чайна-нуво. Умопомрачительная мебелировка – натуральное дерево, натуральная кожа, натуральные цветы! И совершенно необъяснимый черный куб в углу гостиной.

Ксюша была старше Августина на четыре года. Ему всегда нравились женщины, превосходящие его по возрасту. Это правило не знало исключений. Хотя бы на месяц – но старше.

Ксюша была красива и одевалась со вкусом, хотя Августин знал модниц и похлеще. Ксюша много работала – и это не было позой. К вечно озабоченным женщинам-трудоголичкам Августин тоже успел привыкнуть за двадцать восемь лет своей жизни.

«Если женщина не вскакивает среди ночи с криком „Я забыла отчитать свою секретаршу!“ или „Из-за тебя мне пришлось пропустить важное совещание!“ хотя бы раз в две недели, значит, она либо проститутка, либо студентка. И к первым и ко вторым следует относиться с подозрением. „Первые хотят денег, вторые – замуж“, – учил Августин не столь искусственного Сергея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.